

Анхель де Куатьэ

В поисках скрижалей

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

седьмая скрижаль завета

книга восьмая

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Каждую из книг Анхеля де Куатьэ я предварял небольшим предисловием. Мне хотелось поделиться своими мыслями, чувствами, впечатлениями. Когда читаешь эти книги, потребность говорить о них равносильна желанию дышать. Этот порыв возникает спонтанно, почти неконтролируемо.

Но вот я держу в руках «Золотое сечение» и понимаю: мне не следовало этого делать, я не должен был публиковать свои комментарии. Я недооценил глубины и внутренней целостности книг Анхеля де Куатьэ. Их внешняя простота и лаконичность — обманчивы! А захватывающая интрига скрывает огромную метафизическую силу, которая открывается только сейчас.

«Золотое сечение» похоже на дешифровочный ключ. Оно заставляет нас задуматься и переосмыслить прочитанное. Да, никогда не стоит спешить с выводами и тешить себя иллюзиями. Истину нельзя понять с листа, ее нужно прожить, испытать, она должна стать частью тебя самого. Истина — это семя, дающее всходы в человеческом сердце.

«Золотое сечение» — это наш шанс ощутить истину в себе. Это книга Великого Урожая. Но...

Сначала я был смущен и даже напуган обстоятельствами, при которых я получил эту книгу. Ее принесли люди, выглядевшие как некая служба охраны. Они появились без предупреждения, оставили рукопись и, не сказав ни слова, удалились.

Я был в полном недоумении. Последние три книги Анхеля де Куатьэ пришли по электронной почте. Зачем автор воспользовался услугами подобных «почтальонов»?!

Конечно, я сразу же принялся читать книгу. И оказалось, что передо мной не просто седьмая Скрижаль...

Какова теперь судьба Анхеля и Данилы? Что с ними произошло? В чьих руках они оказались? Ответов на эти вопросы у меня нет. То, что мне все-таки передали эту рукопись, вселяет надежду. Но все же мое сердце неспокойно.

Я надеюсь, потому что мне больше ничего не остается... только надеяться.

Издатель

ПРОЛОГ

Есть вещи, которые нельзя объяснить. Вот вы подходите к пустой скамейке и садитесь на нее. Где вы сядете — посередине? Или, может быть, с самого края? Нет, скорее всего, не то и не другое. Вы сядете так, что отношение одной части скамейки к другой, относительно вашего тела, будет равно примерно 1,62. Простая вещь, абсолютно инстинктивная... Садясь на скамейку, вы произвели «золотое сечение».

О золотом сечении знали еще в древнем Египте и Вавилоне, в Индии и Китае. Великий Пифагор создал тайную школу, где изучалась мистическая суть «золотого сечения». Евклид применил его, создавая свою геометрию, а Фидий — свои бессмертные скульптуры. Платон рассказывал, что Вселенная устроена согласно «золотому сечению». А Аристотель нашел соответствие «золотого сечения» этическому закону.

Высшую гармонию «золотого сечения» будут проповедовать Леонардо да Винчи и Микеланджело, ведь красота и «золотое сечение» — это одно и то же. А христианские мистики *будут* рисовать на стенах своих монастырей пентаграммы «золотого сечения», спасаясь от Дьявола. При этом ученые — от Пачоли до Эйнштейна — будут искать, но так и не найдут его точного значения. Бесконечный ряд после запятой — 1,6180339887...

Странная, загадочная, необъяснимая вещь: эта божественная пропорция мистическим образом сопутствует всему живому. Неживая природа не знает, что такое «золотое сечение». Но вы непременно увидите эту пропорцию и в изгибах морских раковин, и в форме цветов, и в облике жуков, и в красивом человеческом теле. Все живое и все красивое — все подчиняется божественному закону, имя которому — «золотое сечение».

Так что же такое «золотое сечение»?.. Что это за идеальное, божественное сочетание? Может быть, это

закон красоты? Или все-таки он — мистическая тайна? Научный феномен или этический принцип? Ответ неизвестен до сих пор. Точнее — нет, известен. «Золотое сечение» — это и то, и другое, и третье. Только не по отдельности, а одновременно... И в этом его подлинная загадка, его великая тайна.

Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся.

Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мной.

Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём, как и Я победил и сел со Отцем Моим на престоле Его.

Имеющий ухо да услышит, что Дух говорит церквам.

*Откровение святого Иоанна Богослова,
3:1922*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Саша рассказала нам с Данилой свою историю. И эта история превратилась в книгу «Исповедь Люцифера», книгу о шестой Скрижали. Но я и представить себе не мог, насколько близко в этот момент мы подошли к последней, седьмой Скрижали. Впрочем, как выяснилось чуть позже, на протяжении всех наших поисков она неотступно следовала за нами.

— Интересный человек, — задумчиво сказал Данила.

— Кто? — не понял я.

— Ну, учитель. Сашин учитель, — пояснил Данила.

— А... Да, интересный, — согласился я. — Но ведь много таких интересных людей было.

— Что ты имеешь в виду? — удивился

Данила.

— Ну, помнишь, — начал объяснять я, — когда мы встретили Кристину — в кафе, там был человек. Он еще интервью давал молоденькой журналистке.

— Да, конечно!

— А потом, например, у Ильи была книга какого-то русского автора, про Заратустру...

— Была, — подтвердил Данила. — Еще из нее листок тогда...

— Да, да! А помнишь ночной разговор на радио. Тоже человек говорил очень важные вещи. Так что наши судьбы постоянно перекрещиваются с разными интересными людьми. Еще был психолог, который к Мите приходил. ..

Данила вдруг уставился на меня. Он был в полном недоумении, словно бы я сказал что-то из ряда вон выходящее,

— Постой! — воскликнул он. — А отец Маши, помнишь? Он от депрессии лечился...

— Да — я внимательно посмотрел на Данилу — к чему он клонит?

Данила буквально выпрыгнул из кресла, подбежал к моему письменному столу и начал рыться в бумагах.

— Мы должны срочно встретиться с Сашиним учителем! — сказал он, перевернув на моем столе все вверх дном. — Это он!

Я оторопел:

— Кто он?

— Это один и тот же человек — в кафе, на радио, и книга его, он и к Мите приходил, и отца Маши именно он лечил!

— Ты это серьезно? — до меня вдруг стало доходить. — Не может быть!

— И это *ты* мне говоришь? — Данила посмотрел на меня так, что я чуть не провалился сквозь землю.

Он производил странное впечатление... Среднего роста, худощавый, добродушный, открытый и необычайно улыбчивый молодой человек читал лекцию, которую, казалось, должен был читать грузный, седовласый старец в очках биноклях.

Войдя в устроенную амфитеатром аудиторию, лектор поздоровался с собравшимися. Пошутил, что, мол, с такими серьезными лицами серьезного дела не решишь. Все рассмеялись. И он начал думать вслух. Да, не рассказывать, а именно думать вслух.

«Я сейчас зачту вам одну цитату, а вы послушайте, — сказал он. — **„Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания“**».

Так Лев Выгодский закончил свою блистательную книгу „Мышление и речь“. А мы с вами как раз с этого пункта и начнем. Ведь „слово“, как кажется, открывает нам перспективу разглядеть тайну человеческого *сознания*, увидеть в нем самого *человека*. Заманчивое предложение! Но возможно ли это путешествие в *смысл* слов?..

Сразу скажу, что задача эта невероятно трудная! И вы ведь знаете это по собственному опыту. Как рассказать о себе и о своих чувствах? Рассказать так, чтобы тебя не только поняли, но еще и поняли *правильно*. Уверен, вы предпринимали подобные попытки неоднократно. И, судя по выражению ваших лиц, успех не был ошеломляющим.

Помните? Вы признаетесь человеку в любви, в чем-то сокровенном, а ваше признание звучит как банальность, как глупость, даже пошло. Вы чувствуете другого человека, он вам дорог. Но стоит вам начать говорить... и все пропадает. Слова и смысл разъезжаются на глазах, как полы плохо сшитого пиджака!

Да, истинный смысл — всегда между слов. Он испаряется, улечучивается, когда вы пытаетесь облечь его в

слова. То, чему мы привыкли доверять, то, чему мы привыкли верить — наша собственная речь, обманывает нас. *Не заблуждаемся ли мы, в таком случае, и в самих себе?..* Вот вопрос, который ставит перед нами „слово“!

Слово, — говорил другой наш великий соотечественник, — это „гробик для мысли“. Несмотря на шутовской характер этого определения, оно предельно точное! Но что получится, если мы продолжим эту аналогию? Получается, что наше с вами сознание, скроенное из слов, не что иное, как кладбище!»

Включился диапроектор, на экране замелькали графики, диаграммы, таблицы, схемы. В ход пошла специальная терминология — дискурсы, семантические поля, компиляции означающих, симулякры, системы коннотаций и так далее.

Лектор представлял материалы своих собственных исследований, различных тестовых замеров и научных экспериментов. Анализировал данные, полученные другими учеными, и философские теории. В лучшем случае, я понимал два слова из трех, может быть — одно из двух. Но я слушал, не отрываясь, словно загипнотизированный.

Я следил за его мыслью. И факты неумолимо приводили меня к выводу, пугающему своей простотой и точностью. Да, сознание способно познать истину, более того — у нас есть шанс увидеть ее со всех сторон. Но каждая из этих «сторон» воспринимается сознанием отдельно, собрать же их воедино, в единое целое, оно не может.

«А целое есть нечто большее, нежели простая совокупность его частей», — лектор повторял эти слова Платона раз за разом, раз за разом.

Сознание, в принципе, может узнать все части истины, но именно *части*. Оно не способно объединить их в *единство истины*. И поэтому истина, преломленная сознанием, всегда разрезанная, мертвая. Сознание приближается к истине, но не в силах удержать ее.

Оно уплощает истину и, что самое ужасное, даже не отдает себе в этом отчета!

Когда мы смотрим фильм, мы видим людей, предметы, перспективу. Изображение кажется нам трехмерным, объемным. Но на самом деле экран плоский и изображение на нем двухмерное. У нас возникает иллюзия трехмерности. Очень достоверная, но иллюзия. И мы ведь даже не задумываемся об этом! Обманываемся и рады.

Но когда то же самое происходит с *истиной*, это уже не забава, это трагедия! Нам кажется, что мы постигаем истину, но это не она. Мы думаем о ней, а на самом деле лишь играем с ее фантомом. Мы, в лучшем случае, реконструируем ее контуры, а нам кажется, что мы открыли для себя ее смысл.

Я был потрясен и обескуражен. Посмотрел на Данилу — и он сидит замороженный. Нежданно негаданно мы попали на лекцию о том, что мучило нас все последнее время! Мы нашли уже шесть Скрижалей Завета, но мы так и не знаем, как ими распорядиться. И главное — их смысл в тысячи раз сложнее слов, которыми они высказаны!

Понимая это, мы с Данилой и решили написать эти книги. Не перечислить Скрижали, а рассказать о них так, чтобы люди могли почувствовать их суть, скрытый в них смысл, их подлинное существо. Но ведь и это — только полумера. Как только истина становится достоянием сознания, она умирает, рассыпается, теряет себя...

И оказывается, наши опасения не были напрасными. Это не паранойя и не мания преследования! Действительно, о Скрижалях, как и о любой истине, нельзя говорить напрямую. Это обесценит ее! Так испанцы когда-то переплавили золотые сокровища инков. Желая обогатиться, они обеднели. Скрижали — это не слова, это то, что за ними.

Диапроектор погас. Лекция подошла к концу. Молодой человек, стоящий на кафедре, печально развел руки и произнес:

«Мысль умирает на кончике пера», — горько шутил Гете. **«Слово — это не что иное, как отдаленное и ослабленное эхо мысли»**, — говорил Гюстав Флобер. Ну и, наконец, все мы знаем, что „мысль изреченная есть ложь“. Так как же быть?!

Если слова не позволяют мне сообщать другому себя, если другой не может мне рассказать о себе при помощи слов, и если истина, сформулированная в словах, не жилец, не лучший ли, в таком случае, способ — общаться молчанием?..»

Тут лектор улыбнулся и окинул взглядом безмолвную аудиторию.

«Но ведь, несмотря на все это, вы пришли сюда, чтобы слушать, — сказал он через мгновение. — Следовательно, «слово» не безнадежно. У нас есть шанс быть услышанными... Хотя бы самую малость, хотя бы в самом главном. Но даже для этого мы должны будем научить свое сознание, цепляющееся за слова, смотреть поверх слов.

Так что не торопитесь с выводами, постарайтесь увидеть то, что прячется за словами. Забудьте все, что вы слышали сегодня, и пусть интуитивно схваченная вами мысль родится в вас заново, станет *вашей* мыслью. Объясняя ее себе, вы воспользуетесь другими словами, но ее суть останется прежней. Истина — как раз в этой сути, а не в словах.

А вот путь от *вашей* истины, от *личной* истины к истине *общей* до сих пор не ясен. Совершенно! И мы должны признаться себе в этом. Да, наше духовное общение — пока лишь фикция. Наши души не общаются и не знают друг друга. У них нет общего языка, языка, на котором они могли бы говорить друг с другом в свете истины.

Мы в самом начале пути. Нам нужна истина, которая смогла бы объединить нас. Истина, высказанная на языке, понятном сердцу. Истина, которая могла бы переходить из уст в уста, от души к душе без искажений и кривотолков. Пока же все это только мечта. Сделаем ли мы эту мечту явью? Зависит от того, сможем ли мы изменить свое сознание.

Мне пришла записка со стихотворением Чжуан Цзы. Спасибо ее автору, я прочту всем:

„Назначение рыбной блесны — поймать рыбу, А когда рыба поймана, блесна забыта. Назначение слов —

сообщить идеи. Когда идеи восприняты, слова забываются. Где мне найти человека, позабывшего слова? Он — тот, с кем я хотел бы поговорить»).

Гробовая тишина. Полтора часа пролетели, как одно мгновение. Кто-то громко выдохнул, словно держал в себе воздух все это время, и раздалась хлопки. Сначала редкие, одиночные, в разных концах зала. Но уже через секунду вся аудитория стоя аплодировала докладчику.

— И не делайте вид, что вы меня поняли! — пошутил он.

И все рассмеялись. Право, это прозвучало очень смешно. Философский парадокс: «Поймите меня — вы не можете меня понять!»

— А еще он любит повторять за Сократом: «Я знаю то, что ничего не знаю». Лукавит, конечно, — улыбнулась сидящая рядом Саша и позвала нас с Данилой. — Пойдемте, я вас представлю...

Мы спустились с галерки и подошли к кафедре. Здесь толпились люди. Они увлеченно переговаривались друг с другом, что-то обсуждали, смеялись, шутили.

— Андрей, — обратилась Саша к своему учителю, — это Анхель и Данила!

Он обернулся и внимательно посмотрел на нас своими большими серо-зелеными глазами:

— Ну, здравствуйте! — он пожал нам руки и обратился к Саше: — Настоящие! Как в кино.

Данила не знал что сказать, он растерялся и вымолвил только:

— Очень интересная лекция...

— Да, — подтвердил я.

— Спасибо, — улыбнулся Андрей. — А я читал ваши книги. Потрясающая головоломка!

— Головоломка?... — не понял Данила.

— Ну, да, — пожал плечами Андрей.

— Но это правда... — вмешался я.

— Вы создали потрясающую головоломку! — замотал головой Андрей. — Правда это или не правда, или вам кажется, что это правда. Какая разница? Понимаете, я ученый, я не могу думать иначе. Я не верю в чудо. И у меня есть разумные объяснения всего, что с вами происходило. Разумные — это значит «не чудесные». Мозг — фантастическая штука! Она способна еще и не на такое!

Все, о чем вы пишете, может быть и плодом фантазии, и галлюцинозом, и психо-делическим переживанием, и сном, и реальными фактами. Я могу объяснить психофизиологическую природу любого из ваших «опытов». И даже вы сами можете не знать, что было на самом деле, а что вам только пригрезилось. Так или иначе, эти книги интересны мне как ребус, как загадка!

— Загадка?... — я все еще прибывал в абсолютной растерянности от такого взгляда на наши книги. Этот странный человек воспринимал их как-то совсем по-другому. Не так, как мы сами о них думали. Но как?!

— Загадка, — подтвердил Андрей. — Я вам покажу. Только... У вас еще нет седьмой книги?

— Есть, в рукописи, — сказал я, достал из заплечной сумки текст «Исповеди Люцифера» и передал Андрею.

— Тогда, если не возражаете, я ее сегодня прочту, а завтра поговорим. Согласны? — предложил Андрей.

И мы, разумеется, согласились.

Мы встретились на следующий день в просторной квартире-студии Андрея. Ни одной свободной стены — все сплошь книжные полки, стеллажи. И много света, льющегося в комнату сквозь высокие окна.

— А вы ведь меня поначалу чуть с ума не свели! — улыбнулся Андрей, разливая по чашкам кофе. — Первую книгу — «Всю жизнь ты ждала» — мне принесла одна моя знакомая и говорит: «Тут прямо ваши мысли есть!» Ну, я подумал — хорошо, кто-то думает так же, как я. Читать, разумеется, не стал, потому что времени нет. Потом другой человек приносит мне «Учителя танцев» и говорит: «Тут ваше интервью по радио цитируют». Я улыбнулся, посмотрел. Действительно мое!

А буквально на следующий день я сам наталкиваюсь в книжном магазине на «Дневник сумасшедшего». Открываю книгу и вижу, что она про Митю, которого я консультировал пару месяцев назад! Читаю и понимаю, что я один из ее героев. Ну, думаю, все, заболел! Пора самому в больницу ложиться. Прочитал все книги и не могу понять, как такое может быть — неужели совпадение? Мои интервью, моя книга — в «Возьми с собой плеть», мой пациент в «Маленькой принцессе», я — как участник событий...

— Не похоже на совпадение, — ответил Данила.

— И не может быть совпадением! — вставил я.

— Все это очень странно, — протянул Андрей и посмотрел в окно. — Я ведь не верю в мистику. Вообще, во все эти вещи. Не знаю... Видите ли, все эти маги, колдуны, экстрасенсы, они совершенно дискредитировали парапсихологию. Мы этот вопрос изучали специально, исследования проводили. Ничего не нашли. Ну, кроме попыток выдать желаемое за действительное. Хотя...

— Что? — встрепнулся Данила.

— Есть вещи, которые мы с научной точки зрения объяснить не можем. Ну, вот например. Провели французы такой эксперимент. Взяли сорок улиток и позволили им самим образовывать пары, что называется — по любви. Получилось двадцать пар улиток. Потом эти пары разлучили, и «вторые половинки» отправились в Канаду.

Так вот, когда в Канаде исследователи раздавливали улитку, ее «вторая половинка» во Франции сжималась. И наоборот, давят ту, что во Франции, а ее канадская напарница сокращается. Простой эксперимент, а объяснения нет. Как эти улитки чувствуют, что их возлюбленные гибнут? И вообще, как у улиток могут быть *возлюбленные*?..

— Но это потому что ученые думают о пространстве — как о некоей физической протяженности, и о любви — как о физиологической реакции, — пояснил я.

— Да, мы так думаем, — рассмеялся Андрей. — Это наш способ восприятия мира. Он эффективен, хотя и ограничен, как и любой другой. Вчера я об этом и рассказывал. Вам, Анхель, очень просто сказать: «пространство — это не физическая протяженность», «любовь — не физиологическая реакция». А для ученого это именно физика и физиология!

Вы, например, упражнялись со временем и в «Учителе танцев», и в «Исповеди Люцифера». Но физики не склонны думать, что время способно течь в обратную сторону. И я вам больше того скажу: в ядерной физике есть уравнения, которые допускают эту возможность! Но ученые объясняют это как артефакт, как ошибку исчислений.

— А зачем? — удивился Данила. — Если даже уравнения говорят, что время может идти вспять, зачем они отрицают это?

— Очень просто, — ответил Андрей, — эта «мелочь», время, текущее вспять, подорвет самые основы физики. Этот факт противоречит системе. Разрушится стройное здание, которое до сих пор с успехом использовалось учеными для определенных целей — для создания различных машин, реакторов, информационных систем и так далее. Они охраняют цельность своего научного знания и будут до последнего вздоха игнорировать любой факт, противоречащий принятой модели.

— И все-таки это глупо! — сказал я. — Ведь если бы физики не отрицали этих фактов, то наука могла бы продвинуться вперед.

— Тут все очень неоднозначно, Анхель, — Андрей покачал головой. — Вот вы знаете седьмую Скрижаль? Ну, или хотя бы о чем она?

Я удивился:

— Нет, не знаем. Но причем тут это?

— То, как вы думаете, не открывает вам этой тайны, — сказал Андрей. — Чтобы узнать седьмую Скрижаль, вам необходимо чудо: у Данилы должны начаться видения, какой-то человек, наверное, окажется в опасности, вам придется его выручать. И только тогда седьмая Скрижаль откроет вам свой секрет. Так?..

— Да, — почти хором ответили мы с Данилой.

— Вы ждете откровения, но его нет. Вы ждете чуда явления седьмой Скрижали. А я не верю ни в откровение, ни в чудо. Но зато я посмотрел на ваши книги как на головоломку, как ученый. Для меня они — что-то вроде математической задачи. А научный подход гласит: найди общие закономерности, и ты сможешь предсказать будущий результат.

И я нашел. Так что седьмая Скрижаль мне известна. Я составил формулу и без чуда получил то, чего вы ждете как чуда... Вот в чем достоинство моего подхода к информации. Хотя, надо признать, он имеет свои ограничения — ведь я бы не нашел предыдущих Скрижалей, тогда как вы это сделали. Видимо, потому что ваше сознание допускает чудо.

— Так вы все-таки знаете седьмую Скрижаль?! — воскликнул я.

— Я хочу рассказать вам то, как я думаю и *что я* думаю обо всех Скрижалях. Тогда вы мне и ответите на этот вопрос, — предложил Андрей. — Вы знаете первые шесть Скрижалей, а я — нет. Но если я правильно их расшифровал, то, вероятно, моя формула верна и значит я могу назвать и седьмую.

— Хорошо, — Данила внимательно посмотрел на Андрея. — Так это будет формула?

— Да, именно формула! — подтвердил Андрей и достал из рабочего стола огромный лист бумаги, в четыре раза больше обычного, весь испещренный геометрическими фигурами с текстом и стрелками. — Ну, «Схимника» мы не рассматриваем — в этой книге ни одной Скрижали нет. А вот анализируя остальные, обнаруживаются следующие закономерности...

Я как замороженный слушал Андрея. Поразительное впечатление — молодой человек рассказывает о сложнейших вещах с юмором, легко и доступно. Нет, он ничего специально не упрощал, но он и не делал никакой проблемы из сложного. О ядерной физике он говорил так, словно речь идет об устройстве велосипеда или даже самоката. О научных экспериментах — как о кулинарных рецептах.

И теперь с тем же обаянием и глубоким пониманием предмета он стал рассказывать нам о том, что мы пережили! Действительно, ни я, ни Данила никогда не смотрели на мои книги под таким углом зрения. Андрей нашел семь закономерностей, которые объединяют шесть книг, посвященных конкретным Скрижальям — от «Всю жизнь ты ждала», до «Исповеди Люцифера». Три основные и четыре дополнительные.

— Во-первых, — объяснял Андрей, — мы знаем, что Тьма спрятала Скрижали в конкретных людях. Вопрос, как она их выбирала? Согласитесь, было бы достаточно странно, если бы она запихнула Скрижали в кого придется! Нет, надо полагать, что она все же подумала, куда прятать. А если подумала, то каким принципом руководствовалась?

— Это вопрос? — уточнил Данила.

— Можете считать, что вопрос, — рассмеялся Андрей. — Но мы не на экзамене. Просто пробуем размышлять. Я думаю, что если бы Тьма хотела хорошенько спрятать Скрижаль, то она бы выбирала кандидатов на эту роль по следующему принципу: чем меньше данный человек соответствует этой истине, тем лучше. Надежнее будет.

Ну, допустим вы хотите сохранить в целостности и сохранности кусок мяса. Кого бы вы выбрали в качестве хранителя? Голодного пса или вегетарианца? Я думаю, вегетарианец справился с этим лучше собаки. А коробку сахара? Предлагаю — диабетика. А в чьем доме лучше сохранится бутылка водки? Ну, не у алкоголика, разумеется. У трезвенника.

— Это логично, — рассмеялся Данила. — Я бы поступил точно так же!

— Следовательно, — продолжил Андрей, — если мы правильно уясним для себя психологический портрет человека, в котором была спрятана Скрижаль Завета, то сможем сказать, какого рода Скрижаль в нем

нужно было прятать. Основная, главная черта его личности должна противоречить соответствующей заповеди. Логично?

— Абсолютно, — согласился Данила. — Это первый принцип. А второй?

— Второй. Эта Скрижаль, коли уж вы ее нашли, должна была из своего носителя как-то выйти. Так я понимаю?

— Да, — подтвердил я и невольно заулыбался.

Все это звучало и просто, и забавно. Словно рассказ о шахматной партии: Е2—Е4. Если прятали, то прятали. Если вынимали, то вынимали. А мы-то с Данилой ломали головы, переживали, думали, как рассказать о смысле Скрижалей!

— А если Скрижаль из нашего героя вышла, — продолжил Андрей, — значит, он переменялся. Это нужно было сделать, чтобы ее выпустить. Другого варианта быть не может.

— Согласен, — сказал Данила и посмотрел на меня. — Согласен?

— Нет вопросов!

— Хорошо, идем дальше. Смотрим, как переменялся наш герой за время своих испытаний. Он должен был меняться в сторону соответствующей истины. В противном случае она бы так и осталась в нем запертой. Поезд идет туда, куда поворачивает железнодорожная стрела. Если поехали направо, значит, и стрела туда показывала.

— Очень точное замечание, — Данила кивнул головой. — Совмещаем первый принцип со вторым, и уже что-то начинает проясняться. А третий?

— Вы когда-нибудь слышали высказывание Платона: «Целое есть нечто большее, нежели простая совокупность его частей»? — спросил Андрей.

— Да, — ответил я и покачал головой. — Вчера — раз пятнадцать.

— Ах, ну да! Точно, — Андрей вспомнил свою вчерашнюю лекцию. — Так вот, у вас несколько Скрижалей. Это единое путешествие — вы двигаетесь от пункта «А» в пункт «Г». Но у вас пять промежуточных станций «В», «С», «D», «E», «F». Когда вы выезжаете из пункта «А», нельзя сказать, в каком направлении находится пункт «Г», ведь дорога может и петлять. Но если вы выезжаете из пункта «А» в пункт «В», вы не можете не знать направления! В противном случае вы просто никуда не уедете.

— И?... — я не понял этого сравнения.

— «И...» — забавно передразнил меня Андрей. — В каждой книге вы уже делаете шаг в следующую. По сути, вы уже почти формулируете в ней следующую Скрижаль!

— В предыдущей последующую? — Данила не поверил своим ушам.

— Ну да. А вы разве сами не замечали? — удивился Андрей. — Анхель, это что, не специально? Я считал, что это так и задумано. ...

Я был потрясен. Напрягся и стал судорожно вспоминать тексты книг. Действительно! В каждой книге последующая Скрижаль уже была заявлена!

— Ничего себе! — воскликнул я. — Данила, ты подумай, это же так! Мы на самом деле рассказывали о каждой последующей Скрижали еще в предыдущей книге! А я и не знал...

Данила только хлопал глазами.

— Не может быть! — прошептал он. — Это что же получается: когда мы искали каждую следующую Скрижаль, мы ее уже знали?!

Повисла пауза.

— Ну, в целом... — протянул Андрей. — В этом, наверное, и нет ничего странного. Это абсолютно логично, что вы ее уже как бы «знали». В противном случае вы бы ее просто не нашли. Как говорил Иван Петрович **Павлов: «Нет в голове идеи, не увидишь и фактов»**. С другой стороны, откуда вам было знать, что она — это именно она? Это становится очевидно только после «официального открытия». Так что не убивайтесь уж очень.

— А у первой?... — сообразил, вдруг, Данила. — У первой-то не могло быть «предтечи»!

— Ну, конечно! — расхохотался Андрей. — Весь «Схимник» ей посвящен! Тоже, скажете! Целое — есть нечто большее, нежели простая совокупность его частей!

— Тьфу! — Данила выругался сам на себя. — Точно.

— В общем, три критерия, или закономерности, — резюмировал Андрей. — Во-первых, смотрим героя — Скрижаль должна быть его антиподом. Во вторых, смотрим, как герой меняется, это подсказывает нам, о чем именно эта Скрижаль. В-третьих, смотрим предыдущую книгу и понимаем, «предтечей» какой Скрижали она может быть.

— Господи, — еле вымолвил я. — Неужели еще и дополнительные критерии есть?

— Есть, — заверил нас Андрей. — Четыре штуки. Во-первых, смотрим ваши «Предисловия», во-вторых, смотрим эпиграфы — заветы семи церквям из «Апокалипсиса», в-третьих, «Прологи». Все вместе дает полный рисунок внутреннего смысла Скрижали. Ни что не случайно. Но не из-за чуда, а из-за того, что *смысл* пытается проявить себя через ткань жизни.

— Ну конечно, точно! — пробормотал Данила. — Так, стоп! А четвертый дополнительный принцип?!

— А четвертый... — улыбнулся Андрей. — Прошу простить меня за нескромность, но это я. Я же у вас в каждой книге, и в каждой говорю что-то определенное. Ну, по крайней мере, не одно и то же. Почитайте, что я там у вас говорю, и...

— И получим четвертый дополнительный источник информации, — закончил его мысль Данила. — Все правильно. С ума сойти... Анхель, а мы все пытались «зашифроваться», чтобы раньше времени ничего не рассказать. И вот на тебе...

— Ну что? — спросил Андрей. — Может, тогда пропустим обсуждение Скрижалей и сразу к седьмой перейдем?..

Мы с Данилой переглянулись. Мы только что пережили что-то вроде потрясения. Да, мы писали эти книги. Чистая правда! Но нам казалось, что мы просто рассказываем истории. Конечно, мы хотели, чтобы у читателя возникло некое ощущение, чувство Скрижали. Но подумать, что эти книги в итоге окажутся такой системой — с закономерностями, внутренней логикой, взаимодополнением частей... Нам это и в голову не приходило!

— Если вас это не затруднит, — сказал Данила и замялся. — Наверное, это глупо. Нам с Анхелем... Просто очень хочется, чтобы вы рассказали нам о Скрижалях. Чтобы понять, как работает ваше сознание.

— Ну, если хочется, — пожал плечами Андрей. — Это пожалуйста! И мне будет интересно, где я ошибся — если ошибся. Вы меня подправите. И вам, наверное, забавно за мной наблюдать, как я тут ребусы гадаю.

— Да, забавно, — протянул я и залился румянцем.

Он все еще думает, что мы загадывали эти ребусы. А мы с Данилой даже не заметили, что получился такой «ребус»!

ПЕРВАЯ СКРИЖАЛЬ

Андрей достал из стопки книг «Схимника», пролистнул его и остановился, словно наугад, на какой-то странице.

— Данила, — тихо спросил Андрей, — чем для тебя было это путешествие?

— Испытанием, — ответил Данила, и я увидел, с какой болью мой друг вспоминает об этом.

В шестнадцать лет Данила сбежал из дому. Скитался, жил как придется. А в восемнадцать попал на войну и столкнулся лицом к лицу со смертью. Он видел смерть своих друзей, убивал и сам был в шаге от смерти. Чудовищная правда.

После войны Данила уже не мог жить мирной жизнью. Война продолжалась в нем. За что бы он ни брался, что бы ни делал, он словно искал смерти. Он не мог заставить себя учиться, мысли о карьере и «тихом семейном счастье» вызывали у него отвращение.

Алкоголь, наркотики и странные компании. Чем не жизнь для ветерана, которому немногим больше двадцати? Не жизнь. И Данила решил покончить с собой. Умереть. Для него это было так естественно... И к смерти можно привыкнуть, если видишь ее слишком часто.

Но тут, словно безумие, на него обрушивается другая жизнь. Жизнь, в которой есть Свет, нуждающийся в защите. Жизнь, в которой Тьма берет верх над силами Света. И он — Избранный, тот, на ком лежит миссия спасения Света — для жизни, для людей.

Ирония судьбы, высших сил. Дикая, странная. Возложить эту миссию на человека, опустившегося на самое дно отчаяния. Представьте себе, что вы не верите уже ни во что — ни в Бога, ни в Дьявола, а вам говорят: «Ты — Избранный! Собирайся в командировку!»

Да, именно это, этот поворот стал испытанием для Данилы. Он должен был не просто выполнить предназначенное — он должен был переступить через себя. Убить в себе демона отчаяния и безысходности. Поверить, что у этой жизни, даже в его жизни есть смысл.

— «Солнечные лучи показались из-за горизонта, — вслух начал читать Андрей. — Красивое, жизнерадостное солнце... Я попрощался с ним, поднял камень, прижал его к груди, разбежался и прыгнул». Данила, за несколько дней до этого ты хотел покончить с собой, потому что жизнь потеряла для тебя всякий смысл. Теперь ты готов был умереть ради того, чтобы жизнь продолжалась. Ты переродился.

Данила невольно дернулся — слова Андрея словно бы обожгли его. Это была правда. Там, на скале «Последнее Пристанище», прежний Данила умер, просто перестал существовать.

— «Что-то переменилось во мне», — рассказываешь ты дальше. — Андрей продолжил читать книгу. — «Не знаю, что это было — спокойствие обреченного, приговоренного к смерти или же, напротив, бесстрашие сильного. Но я перестал бояться, мучиться, переживать. Я словно бы умер». Анхель, ты помнишь, как записывал эти слова Данилы?

— Да, конечно, — подтвердил я.

— Ничего не напоминает? — Андрей улыбнулся. — Данила «словно бы умер», он «перестал бояться, мучиться, переживать». По-моему, мы уже понимаем, о чем будет первая Скрижаль, не так ли?..

— Не может быть! Да! — я не верил своим ушам.

— И что случилось дальше? — спросил Андрей и развел руками.

— Я увидел Источник Света! — почти воскликнул Данила.

— Все не случайно, — Андрей взял кофейник и налил себе еще кофе. — Один из трех основных критериев, по-моему, у нас сработал.

Фантастика! Данила действительно пережил на скале «Последнее Пристанище» то, что предписывает первая Скрижаль. А явление Источника Света словно подтвердило это! То есть, когда мы искали первую Скрижаль Завета, Данила уже знал, что соответствует ее сути. Но самое удивительное: я не заметил этого, хотя собственноручно писал оба текста!

— О подобном перерождении рассказывают многие «жития святых», — продолжил Андрей через минуту, пока мы оба приходили в себя. — Святými старцами часто становились отъявленные грешники — преступники и душегубцы. Христианское учение, еще начиная с апостола Павла, видит в этом Божий промысел.

Кстати, характерная традиция: принимая монашеский чин, человек получает новое имя. Это символ. Монах не от мирской жизни отрекается, а от прежнего себя. Умирает, чтобы воскреснуть. «Истинно, истинно

говору вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Христос умирает фактически. Мирской человек, постригаясь в монахи, умирает виртуально — человека с прежнем именем больше нет. Но тут главное — принцип, это символическая штука. Разумеется, это переименование не всегда срабатывает... Ну что, берем «Всю жизнь ты ждала»? Нам надо найти еще два других основных критерия.

Андрей снова стал переключать книги, отыскивая среди них нужную. А я думал о том, с каким удивительным юмором он рассказывает об этих, очень серьезных вещах. «Разумеется, это переименование не всегда срабатывает...» — иронично подмечает Андрей. И в его голосе столько доброты! Мне весело, мне смешно, мне радостно. Даже не знаю почему.

— Кто готов рассказать о психологическом портрете Кристины? — Андрей смотрит на меня, потом на Данилу. — Окей! Я вас понял...

Он увидел в наших глазах растерянность людей, услышавших слово «пожар» посреди театрального спектакля. И поспешил дать все необходимые разъяснения.

Мы встретили Кристину в самый тяжелый момент ее жизни. Она переживала боль, глядя в прошлое, и испытывала ужас, вынужденная смотреть в будущее. Ее личная жизнь не складывалась, она пережила много страданий, много разочарований. А теперь ждала ребенка, девочку...

«Жизнь продолжается — пострадал ты, дай пострадать другому», — вот, что чувствовала Кристина, думая о том маленьком живом комочке, который рос у нее под сердцем.

Кристина разуверилась в том, что женщина может быть счастлива. Глупая? — может быть. Красивая? — есть шанс. А если не глупая, и не идеальная красавица?.. И вот сейчас она дает жизнь новому существу, и это существо — женщина.

Быть женщиной — значит зависеть от мужского желания, от его настроения. А мужские желания переменчивы, как морской ветер. Сегодня мужчину влечет то, завтра — это. Мужчина — синоним непостоянства. Женщина должна подстраиваться, лавировать, соглашаться с избранным для нее курсом.

Многие женщины так и делают, так и живут. Если, конечно, это можно назвать жизнью. Но даже если это и жизнь, это еще не мечта. Женщина — дочь вечности. И если она делает что-то, она делает это «навсегда». Пусть мужчина меняет курсы и галсы, но в одном он должен быть верен и честен — в своем отношении к женщине.

Когда «бывшие» Кристины узнали о ее беременности, они испугались. Они вдруг поняли, что могут потерять ее, потерять навсегда, отдать кому-то другому. И их настроение в очередной раз переменялось. Они заявили к Кристине с «серьезными намерениями», полагая, вероятно, что это ее обрадует. Поразительное, непоколебимое самонимение!

Кристина испытала отчаяние. Ветреники оказались еще и глупцами.

А как же отец ребенка? Никита любит Кристину всем сердцем. Но он такой же *мужчина*, как и все предыдущие. А еще он молод, он значительно моложе Кристины, а значит — он точно уйдет. «Мужчина, которому хочется положить голову на плечо...». Может ли она позволить себе влюбиться? Впрочем, она уже влюбилась...

— Кристина необыкновенно сильный человек, — рассказывал Андрей. — Она научилась быть сильной, преодолевая боль разочарований, переступая через свое «хочу». Жизнь учит тех, кто готов учиться. И правда в том, что иногда отказаться от своей мечты — не поражение, а настоящий поступок.

Кто-то настаивает на невозможном. Это право каждого. Не запрещается. Но чаще всего подобная настойчивость — лишь глупое упрямство, и не более того. Мы не можем изменить других людей, если они сами того не хотят. А заставлять их меняться ради нашей собственной прихоти, ради нашей мечты... Это неправильно и нечестно.

Конечно, у Кристины была возможность манипулировать любимыми мужчинами. Она могла их захомутать, женить на себе, вышколить. Для умной женщины это не проблема. Но для уважающей себя женщины — это чудовищно. Для женщины, которая хочет настоящей любви — смерти подобно.

Даже ветер можно дисциплинировать. Вот, например, вентилятор или кондиционер — это дисциплинированный ветер. Он дует, куда скажут и как скажут. Но сравните его с ветром, гуляющим на океанском просторе. Сравните его с осенним ветром, вздымающим в небо золотые столпы из опавших листьев. Лучше и не сравнивать...

— Но эта ее внутренняя сила как раз и стала проблемой! — воскликнул Данила.

— Святая правда! — рассмеялся Андрей. — Парадокс, но именно так. И мы переходим к самому главному. Кристина отстроила мощное здание своей личности. Она стала сильным и волевым человеком, она добилась самостоятельности. Она изучила жизнь и поняла, что ей нужно. Хорошее дело!

«Любовь — это временное помутнение сознания, — решила для себя Кристина. — Приятное, но ненадежное. На этом жизнь не построишь. На мужчин нельзя полагаться. Они переменчивы. Рано или поздно это все равно заканчивается. А я рожу мальчика и у нас с ним будет семья. У меня будет мужчина, который никогда меня не бросит».

Да, она боялась почувствовать себя брошенной! Она научилась переживать боль, но она научилась и бояться боли, избегать ее. Она научилась сносить удары судьбы, но она научилась и уклоняться от этих ударов. В конечном счете, она приняла решение — контролировать свою судьбу. Она превратила свое «эго» в неприступную крепость.

— Превратила свое «эго» в неприступную крепость, — повторил я, отчетливо понимая, что это самое точное определение внутреннего состояния Кристины.

— Прекрасная Елена за стенами неприступной Трои! — улыбнулся Андрей. — Ну что, подходящая

кандидатура, чтобы с гарантией потерять в ней первую Скрижаль?..

— Еще один основной критерий, — согласился Данила. — Остался третий.

— И тут как раз закавыка! — обрадовался Андрей, которому сложности, казалось, доставляли куда большее удовольствие, нежели простые и очевидные вещи.

— Закавыка? — переспросил я, поскольку мне показалось, что теперь-то уж все понятно.

— Именно! — подтвердил Андрей. — Я готов дать голову на отсечение, что большинство ваших читателей решили, что первая Скрижаль посвящена любви или, по крайней мере, как-то связана с любовью. А я категорически уверен в том, что слова «любовь» в ней нет!

— Действительно, нет, — удивленно протянул Данила. — А как ты догадался?

— У нас есть два основных критерия. Во-первых, мы знаем, что первая Скрижаль про смерть, а не про любовь. Данила у нас на скале «Последнее пристанище» не влюбился, а чуть не умер, или даже умер... — Андрей артистично насупил брови и уставился на Данилу.

— Умер, умер! — рассмеялся тот.

— Вот. А во-вторых, — продолжил Андрей, — Кристине предстояло бороться не со страхом любви, а с самой собой, со своим «эго». Страх — только проявление ее личности, ее неприступной Трои, а не что-то самостоятельное! Но любовь, действительно, лучшая дорога к цели, которую ставит перед человеком первая Скрижаль Завета.

Я взял из рук Андрея книгу и прочитал отрывок из своего «Предисловия»:

— «Мы петляли по дорогам любви, но столкнулись не со счастливой и лучезарной фантазией, а со страхом, страхом перед *реальной смертью*».

— Да, кстати, хороший вопрос: «Зачем мы любим?» — оживился Андрей. — Провокационный. Любовь для Кристины была только дорогой, а не целью. Уж что-что, а любить Кристина умела и прежде. Теперь же ей предстояло убить в себе «эго», освободиться. Она должна была потерять себя. Повести себя в лес и оставить там на съедение волкам. А самой вернуться обратно.

— Очень точно! — рассмеялся Данила. — Оставить себя на съедение волкам, а самой вернуться обратно! Так и есть. Смешно!

— И вы не зря соединили любовь и смерть — продолжал Андрей. — Только вы не стали уточнять, о какой именно смерти идет речь. А речь идет о смерти «эго». То есть не о физической смерти, а о смерти личности — мировоззрения, установок, принципов, предрассудков, страхов, притязаний, амбиций, желаний и т. п.

«Умирая» в таком качестве, человек возвращается к себе изначальному, к себе настоящему, к себе истинному. И истинная любовь требует именно такого самопожертвования.

Если ты действительно любишь человека, ты абсолютно забываешь о себе, ты — в нем. Это как другая реальность, другой мир, в нем ты уже не можешь быть прежним.

— Это больше всего пугало Кристину, — согласился Данила. — Она боялась потерять себя и именно поэтому отталкивала Никиту. Понимала, что он ее любит. Понимала, что сама без него не может. Но перед ней был выбор — или сохранить себя, или любить.

— И она выбрала любить, — сказал Андрей. — Вы подсказали Никите нужные слова: «Прошлое стало прошлым, я беру твою душу».

Я чуть не расплакался. Я вспомнил, как мы сидели в машине. Данила за рулем, Кристина с Никитой сзади. Словно все это случилось только что. Я вспомнил, как страдала умирающая Кристина, в каком отчаянии был Никита. И как он сказал ей: «Я беру твою душу». Словно молитва.

Я понимаю, где-то на уровне ощущения, что человек должен освободить себя от своего «эго», от своего «я», — сказал Данила. — Но все-таки, это странно. Парадоксальная вещь. «Я» — это ведь высшая ценность любого человека. Он за него радует, он его защищает, ищет для него лучшей доли, кормит его разными ощущениями. Он, можно сказать, живет, потому что у него есть «я»!

— Ой ли! — Андрей отрицательно покачал головой. — «Я», «эго» — это химера.

Данила недоверчиво покосился на Андрея.

— Я не преувеличиваю, — сказал Андрей. — Попробуй ответить на вопрос, что такое твое «я». Начиная предложение со слов: «Я — это...»

— Ну, я — это... — неуверенно начал Данила. — Эээ...

Андрей пришел ему на помощь:

— Тебе в голову приходит всякая ерунда, Правильно?.. Например: «я — человек», «я — мужчина», «я — ветеран чеченской войны», и так далее. Сколько еще людей могут ответить таким образом? Тыщи! И можно ли ответить на этот вопрос так, чтобы ответ касался именно твоего «я»?

— Сомневаюсь, — протянул Данила.

Тут Андрей встал, взял с полки какую-то книгу и открыл ее ближе к концу.

— Это справочник по психологии, — объяснил Андрей. — Прочтем научное определение: «„Я“ — это субъективное психическое явление, определяемое памятью и проявляющееся как противопоставление себя всему другому («не-я»)». Понятно?

Русский — не родной для меня язык, и сложные конструкции с использованием наукообразных слов на слух даются мне с трудом.

— Непонятно, — признался я.

— Все на самом деле, очень просто, — стал объяснять Андрей. — Мы приходим в этот мир маленькими чистыми сгустками энергии. Вы можете называть это «душой», «сущностью» — как угодно. Это и есть «мы». Мы абсолютно открыты, свободны и в нас бездна света!

Взгляните на гуляющих малышей. Вспомните улыбку младенца, узнавшего ваше лицо. Посмотрите на свои собственные детские фотографии. Это самое завораживающее зрелище! Невозможно оторваться. И знаете почему? Потому что у младенца еще нет «я», он — *чистая душа*.

Но мы вынуждены постоянно сопротивляться миру. Мир — это не рай для чистых душ. Мир — это площадка для борьбы за выживание. И чтобы выжить, мы формируем свое «я». То, что вокруг нас, — это «не-я», и мы с этим «не-я» боремся. А то, что внутри нас, — это «я», и его мы защищаем.

Внутри нас чувства, мысли, желания, опыт. Все это память. И наше «я» — это тоже только память. Стоит хорошенько ударить нас по голове в нужном месте, и мы не будем знать — кто мы, что мы, к чему, к кому, когда и откуда. Наше «я» испарится, словно его никогда и не было. А мы останемся...

— Самый простой способ выполнить первый Завет! — пошутил Данила. — Но пока я так и не понял — зачем? Зачем терять, изводить, убивать свое «я»?

— Чтобы быть чистой душой, — просто и с какой-то удивительной нежностью сказал Андрей.

Я увидел, что у Данилы вдруг заблестели глаза. Это слезы. Так пронзительно и так лично прозвучали эти слова.

— Это избавит от страха смерти? — спросил Данила, справившись со своими чувствами.

— «Я» — это то, что создает границы. Мы живем в мире, который разделен на «я» и «не-я». И поэтому «я» вынуждено защищаться. Всегда. Враг появляется сразу вслед за установлением границ. Боится не тот, кому угрожают, боится тот, кто защищается.

Мир не закрыт от нас. Но мы, обладая собственным «я», закрыты от мира. Это мы установили границы. Это мы спрятали свои души друг от друга. Между мной и тобой, Данила, нет границ, мы с тобой одной души, одной крови. Только вот наши «я» не знают об этом. И им страшно. Страшно, потому что они, вдобавок ко всему, еще и одиноки.

Вспомни Агвана. Вспомни мальчика, который не боялся умирать. У него была чистая душа. Душа, открытая навстречу твоей душе. Только благодаря ей ты дошел до «Последнего Пристанища» своего «я».

Чистый сердцем, он показал тебе свое сердце. Нежный, молодой бутон белого лотоса на тонкой изогнутой ножке. «Скоро, скоро он откроется. Береги его, Данила... Береги... Прощай». Это были его последние слова.

Теперь Данила плакал. Он и прежде терял друзей — на войне и даже после войны. Но то, что он потерял Агвана... Он потерял того, кто разглядел в нем *человека*. Одна душа, одна кровь. Этот мальчик на все говорил — «это не имеет значения», потому что он знал, что на самом деле имеет значение.

— «Я» — то, что не имеет значения, — прошептал Данила. — Да, я услышал.

Но почему именно любовь приводит к смерти «эго»? Я удивлялся этому еще когда писал «Всю жизнь ты ждала». Прежде мне всегда казалось, что смерть «эго» достигается духовными практиками, аскетизмом, медитацией. У индейцев, по крайней мере, любовь не рассматривают как средство борьбы с собственным «я». И я спросил об этом у Андрея.

— Анхель, — ответил он, — кажется, ты подтвердил мою догадку, и слова «любовь» в тексте первой Скрижали нет? Думаю, его нет и в других Скрижалях.

— Да, нет. Но...

— Так вот, — Андрей перебил меня. — Твои книги написаны о конкретных людях, а Скрижали универсальны, они же для всех. И они не содержат конкретного рецепта: «Пойди туда, сделай это...» У каждого из нас своя дорога, свой путь. У кого-то любовь, у кого-то — что-то другое. Я уверен, например, что и слова «Бог» нет в Скрижалях. Ведь нет же?..

— Нет, — протянул Данила. — Но это-то откуда тебе известно?!

— Потому что я, например, не верю в Бога, — развел руками Андрей. — И у буддистов нет Бога, и у язычников, потому что у них божества, а не Бог. Но не лишать же нас всех, несчастных, надежды на освобождение от страха смерти! И любовь, и Бог — хорошие слова, но не универсальные. А Скрижали обязаны быть такими, потому что они для всех.

— Так значит, мы с Данилой правильно думали, что любовь не обязательна? — спросил я.

Андрей рассмеялся:

— Анхель, ради всего святого, только не с таким серьезным видом!

Я смутился. Действительно, мы с Данилой, наверно, смотрелись сейчас чересчур серьезно. Но как иначе относиться к этому разговору? Андрей отвечает на вопросы, которые мучили нас так долго!

— Любовь, — продолжал Андрей, — замечательная дорога! Суфии — мудрецы ислама — считают ее наилучшей. Джамии говорит: «Будь пленником Любви, чтобы обрести подлинную свободу от самопоклонения. Ты можешь испробовать сотню ухищрений, но только Любовь освободит тебя от самого себя. Счастлив тот, кому удался побег от собственного „я“ благодаря Любви». В сердце любящего нет ничего, кроме любви, а значит оно чисто и от него самого.

— У каждого свой путь, — тихо повторил Данила, словно про себя.

— Данила, — одобряюще обратился к нему Андрей. — Источник Света и не обещал никакой панацеи. Ведь так?.. Скрижали должны были определить цели — то, чего мы должны достичь, чтобы избавиться себя от страха смерти. Соли, это *наша* работа. А чуда не будет. И не должно быть, это было бы неправильно.

Кстати, даже я — человек неверующий, и то с удовольствием бы узнал эти цели. Мне не хватало этой определенности. Духовного наследия много, а ориентиров нет. Скрижали их дают. Страх смерти омрачает жизнь, и если ты действительно хочешь сделать свою жизнь светлой, ты можешь. Скрижали — это цели, а дорогу осилит идущий.

— Да, цели определены точно... — печально согласился Данила.

Повисла пауза. Каждый думал о чем-то своем. А я гнал от себя мысли, озвученные в свое время индусом: «В Скрижалях заключены великие истины, но это только истины». Данила, мне кажется, пытался примириться с мыслью, что найденные нами Скрижали не избавят мир от безумия. Он надеялся, что Скрижали смогут как-то *разбудить* спящие души. Но, скорее всего, Андрей прав: они помогут лишь тем, кто сам хочет обрести Свет.

— Ну, что вы так погрустнели?.. — Андрей говорил с заботой и терпением. — У нас, мне кажется, подобралась милая компания. Интересные вещи обсуждаем. Право, взбодритесь!

— Послушай, — сказал вдруг Данила, — а ты... А ты бы как сам прошел свой путь? Путь первой Скрижали?

— Хороший вопрос, — ответил он. — Я не сомневаюсь, что Скрижали «работают» только все вместе, все семь. У меня есть этому объяснение, но я скажу о нем позже. Что я могу сказать о *своей* первой Скрижали?.. Я — ученый. Ученый — это часть моего «эго». Самая большая часть. По сути, это и есть «я».

Я познаю мир и делаю это тем способом, который кажется мне наиболее правильным — логикой, анализом, опытом, экспериментом. Я люблю свой способ. Но правильного пути нет. И когда-нибудь я натолкнусь на какую-нибудь мелочь, которую мой разум не сможет понять, и это опрокинет все выстроенное мною здание.

Андрей вдруг замолчал, встал, пошел к плите, заправил кофеварку, вернулся к нам и продолжил:

— Я расскажу вам одну историю про буддийского монаха. Юноше, только что ставшему монахом, приснился сон. Отчетливый, яркий, словно и не сон вовсе, а явь. Во сне он увидел монаха-отшельника — счастливого, светящегося изнутри.

Седовласый, с длинной косматой бородой, в истлевшей одежде, он сидел у своей хижины, высоко в горах. Рядом текла река, цвел кустарник, пели птицы, а небо над ним казалось бездонным. И юноша понял, что во сне ему явился Посвященный — человек, который познал суть вещей и открыл в себе свет истины.

Молодой монах узнал в этом человеке своего Учителя... На утро юноша обратился к наставнику: «Что бы мог значить этот сон?» Наставник покачал головой и ответил: «Только одно — тебе следует идти и искать этого монаха. Он твой Учитель. До той поры, пока ты не отыщешь его, ты не пробудишься».

Юноша наскоро собрался и отправился на поиски. Куда идти, он не знал, а поэтому пошел наугад. Он пошел в горы. Его путь был долог, годы летели друг за другом — весны сменяли зимы, осень вновь и вновь приходила на смену лету. Юноша уже потерял счет времени. Он жил своей мечтой.

Он исходил множество гор, был во многих монастырях. И всюду спрашивал об отшельнике с косматой бородой, что живет высоко в горах в одинокой хижине. «Да, — отвечали ему. — Мы слышали об этом человеке. Иди вон туда, его видели вон на той горной вершине». И юноша шел.

Но в какой-то момент в его сердце все-таки поселилось отчаяние. «Сколько же мне еще идти? — спрашивал он себя. — Как мне быть, если я так и не найду своего Учителя?» — думал он, и сердце его замирало от тоски и печали.

«Не нужно ли мне прекратить поиски и вернуться?» — этот вопрос приводил его в ужас.

Юноша совершенно выбился из сил. Он готов был остановиться. Но как теперь вернуться домой? Он так долго плутал, что забыл дорогу назад. И что он скажет своему наставнику? «Нет, я должен идти дальше! — сказал себе юноша. — я должен найти своего Учителя! Я сделаю это во что бы то ни стало!»

И его путь продолжался, хотя шел этот юноша уже без надежды в сердце, без веры в успех. Он шел просто потому, что однажды решил идти. И о чудо! Вот эта хижина! Он узнал ее! Вот тот ручей и цветущий кустарник! И птицы! Да, тут поют те самые птицы, которые однажды пригрезились ему во сне!

Юноша вбежал в хижину. «Учитель! Учитель!» — кричал он, обливаясь слезами радости. Но хижина оказалась абсолютно пустой, в ней не было даже следов жизни. Юноша вышел из хижины и стал обыскивать местность вокруг. Но ни что не говорило о том, что здесь когда-либо жил человек.

Лишившись сил, юноша упал на берег реки и воскликнул: «Все, я сдаюсь! Я проиграл! Я возвращаюсь!» Но тут его взгляд упал на водную гладь... Из воды на него смотрел совершенно седой старик с длинной косматой бородой, в истлевшей одежде. А вокруг, под бездонным небом, цвел кустарник и пели те самые птицы.

Мы с Данилой слушали Андрея с замиранием сердца. Он рассказал нам о *своем* пути первой Скрижали. О своем пути от себя к себе. У него пылливый ум исследователя, готового измерить жизнь логарифмической линейкой. Но когда-нибудь он достигнет основы основ и увидит сокровенное зерно истины, которое нельзя понять рациональным сознанием. «Все, я сдаюсь! Я проиграл! Я возвращаюсь!» — скажет он, и в тот же миг обретет себя. Себя настоящего.

Ведь что он ищет, если не самого себя? Что он пытается выяснить своими экспериментами и исследованиями, если не истину о самом себе? Да, все мы ищем себя. Но правда в том, что найти себя можно, лишь прекратив эти поиски.

Парадоксальная вещь. Андрей ищет себя, Кристина защищала себя, что-то подобное делаем и мы с Данилой. А ведь наша подлинная сущность уже в нас! И ее не нужно ни искать, ни защищать! Но чтобы соединиться со своей сущностью, нужно сдаться.

— Где-то далеко в горах у каждого из нас есть своя хижина, — улыбнулся Андрей. — Впрочем, может быть, и не так далеко, как кажется. Но попасть туда можно только одним способом — сказав самому себе: «Все, я сдаюсь! Я проиграл! Я возвращаюсь!»

Хочешь найти себя — откажись от себя. Хочешь освободиться от страха смерти — умри. Но убивать себя не придется, достаточно убить в себе то, что боится умереть. И мы ведь боимся не настоящей смерти, мы боимся смерти своего «эго». А ведь его нет...

Раздался странный, непонятный звук. Мы все втроем обернулись и замерли, глядя на убегающий кофе.

— Нет, тебя это не касается! — пошутил Андрей, обращаясь с кофе.

Он поднялся из-за стола, взял кофейник и разлил остатки кофе по нашим кружкам.

— В турке, в кофеварке, в чашке — кофе остается кофе. Даже убегая, он остается кофе. Он не может убежать от себя. А мы можем. Но он не может и найти себя. А мы можем. Впрочем, я думаю, мы сильно удивимся, когда, обрета самих себя, увидим, что наши *представления* о себе и мы *настоящие* — вещи друг с другом никак не связанные.

А я помню нашу первую встречу с Андреем. В кафе. Он сидел за небольшой перегородкой, так что ни я, ни Данила его не видели. Мы только слышали его слова: «Чтобы родиться заново, нужно умереть, а умирать страшно. Человек боится, цепляется за свою жизнь, за свою самостоятельность, за свое „эго“. А в результате действительно умирает».

Он говорил об истине, заключенной в первой Скрижали Завета, в тот день и в том месте, где и когда мы впервые повстречали Кристину. Он словно наперед знал, что будет происходить с нами. Знал и предупредил. И не благодаря ли этому подслушанному нами разговору мы понимали потом, как помочь Никите и Кристине?

Сейчас мы расстались с Андреем до следующего дня. Нам с Данилой нужно было подумать и чуть-чуть прийти в себя — от воспоминаний, от мыслей, от эмоции.

— Анхель, но неужели мы всего лишь искали цели? — Данила выглядел растерянным. — Конечно, это важно. Но...

— Хотелось бы большего, — согласился я.

Мы стояли на перекрестке и уже собирались переходить улицу.

— Данила! Анхель! — послышалось сзади. — Неужели это вы?!

Прежде чем обернуться, мы с Данилой, не веря своим ушам, переглянулись — послышалось? Нет, не послышалось. Нас окликнул Никита. Тот самый!

— Господи, как я рад вас видеть! — Никита светился изнутри. — У вас есть время? Ну хоть чуть-чуть? Мне так хочется с вами поговорить!

Мы сидели в кафе. Никита взахлеб рассказывал нам о своей маленькой дочке, о том, как счастлива Кристина... и о наших книгах.

— Ждем каждую новую с нетерпением! — говорил Никита. — И очень переживаем за вас.

— Ждете *новую* или *последнюю*? — спросил вдруг Данила.

— В каком смысле? — не понял Никита,

Действительно, откуда Никите знать, в какую минуту он нас застал. После разговора с Андреем мы увидели все, что с нами происходило, совершенно в ином свете. И теперь Данила пытался понять, каков же на самом деле смысл наших с ним поисков да и самих Скрижалей.

— Ну, вы ждете *Скрижалей*, или... — Данила замолчал, подбирая нужное слово, — просто книгу?

— Мы ждем... — задумался Никита. — Нет, ну Скрижали, конечно, интересно было бы узнать. Но я так понимаю, что дело-то не в них.

— А в чем?! — меня словно молнией пронзило.

Никита посмотрел на меня с удивлением. Ему, наверное, и в голову не приходит, что значит для меня писать эти книги. Я же не понимаю, как их читают. Я не знаю, что в них ищут и что находят. Да, я рассказываю истории, но ведь это не хроники, не летопись. Каждая из книг — нечто важное, что нам с Данилой удалось пережить, узнать и понять.

— Анхель, на этот вопрос трудно ответить, — смутился Никита. — Вот, например, Кристина. Она читает эти книги из-за людей, о которых они написаны. Она думает о тех, кто переживает боль и отчаяние, о тех, кто мучается от страха или одиночества. Вы так пишете, что она как бы проживает их жизни. Ей это важно.

— А зачем? Зачем?! — волновался и не понимал я.

— Анхель, Данила, вы помогаете этим людям, как когда-то помогли и нам с Кристиной. Но вы же не просто, как спасатели МЧС, выручаете попавших в беду. Вы, как бы это сказать, меняете их сознание. И если ты сопереживаешь этим людям, если ты понимаешь их, то потом выход, который они благодаря вам находят, становится и твоим выходом...

— Никита, — спросил Данила, — а что эти книги значат лично для тебя?

— Для меня?.. — было видно, что ответ вертелся у Никиты на языке, но он не знал, как его сформулировать. — Если совсем просто сказать, то для себя я понял, что все в моей жизни происходит по моей воле. Я понял, что я могу свою жизнь *делать* — поступками, чувствами, мыслями. Я понятно объясняю, нет?..

— Ну, почти понятно, — протянул я.

— И с каждой новой книгой, — продолжил Никита, — понимаешь, где у тебя внутри... Как бы это сказать?.. Пустота. Да, пустота! Пустота, о которой ты и не подозревал. Незаполненная часть души. Существующая, но еще как бы не приведенная в действие. И каждая новая книга открывала мне какую-то часть моей души. Мне самому!

Понимаете, раньше я всегда заботился о том, что *вокруг* меня. Как меня воспринимают другие люди, как ко мне относятся, чего я добился и тому подобное. Я совершенно не думал о том, что у меня *внутри*. Мне казалось, что у меня есть внутренняя жизнь, а на самом деле, это были лишь отголоски жизни внешней. Не внутреннее, не настоящее.

А теперь у меня появилась жизнь *внутри*. Понимаете?.. Меня стало двое. Прежний — презентабельный молодой доктор, яркий, успешный. И новый — я настоящий, чувствующий, думающий, понимающий. И второй мне нравится больше. Он лучше, он глубже, он честнее. И еще он свободный. Внутри... Ерунду я говорю, да? Непонятно. Но вот так...

Никита смутился, а мы сидели с Данилой перед ним, как воды в рот набравши. Только кивали головами и все. Что сказать — не знали. Путано, сложно Никита говорил нам одну очень простую вещь: «Я начинаю жить». Вот они — поиски Скрижалей...

ВТОРАЯ СКРИЖАЛЬ

В книге «Всю жизнь ты ждала» вы только начали поиски. И почувствовали, что находитесь перед выбором, — рассказывал Андрей следующим утром. — Вы спрашивали себя: «Что мы делаем? Ради чего? Какова наша цель?». Спрашивали и отвечали: «Да, мы ищем Скрижалю. Но прежде всего мы должны помочь тем, кто уже сейчас нуждается в нашей помощи — Кристине, Никите, их маленькой, еще не родившейся дочери».

Андрей открыл «Всю жизнь ты ждала» и зачитал вслух отрывок из «Эпилога». Тогда Данила спросил меня, поменял бы я счастье Кристины на Скрижаль. Я замялся, а он ответил не раздумывая: «Я не хотел, чтобы она умирала. Остальное — ерунда!»

— И еще, — добавил Андрей, — мне показалось не случайным, что в конце книги появились слова колыбельной. Это странно... Но если задуматься? Ни один из мужчин Кристины никогда не относился к ней так: «Можешь отнять покой, можешь махнуть рукой, можешь отдать долги, можешь любить других, можешь совсем уйти, только свети, свети».

— И что ты по этому поводу думаешь? — спросил Данила, не понимая, как связаны друг с другом эти два факта.

— Я думаю, что это вторая Скрижаль Завета, — спокойно и уверенно ответил Андрей. — Она о «Другом». О Другом с большой буквы. Об этом писали Мартин Бубер, Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер, ЖанПоль Сартр, Людвиг Бинсвангер и многие другие философы-экзистенциалисты, а также представители феноменологии и позднего структурализма. Одним из первых, кстати, был наш Семен Людвигович Франк...

— О «Другом» с большой буквы? — недоверчиво и непонимающе переспросил Данила.

— Так и есть, Данила! — подтвердил я. — Так и есть! «Другой» с большой буквы — это философское понятие. И оно действительно описывает смысл второй Скрижалю. Как я сразу об этом не подумал?! И ты... ты ведь сам мне об этом говорил! Ну помнишь, когда мы были у Кассандры?

— Но я не имел в виду никакой философии... — растерялся Данила.

Мне приходилось читать Бубера и Сартра. Но только сейчас я понял, что «Другой», о котором они писали, это как раз и есть сущность второй Скрижалю Завета.

И опять я почувствовал сильное волнение. Я понял, что и в этот раз мы знали Скрижаль прежде, чем начали искать ее, встретившись с Ильей и Катей! Неужели так может быть — ты уже пережил истину, но еще не понимаешь ее?..

Частенько люди рассуждают о вещах, не имея о них ни малейшего представления. Но что за странное дело: получается, у нас были и опыт, и понимание, но мы сами не осознавали этого. Кто-то должен был указать нам на это пальцем.

Андрей увидел некоторую растерянность на наших лицах и поспешил успокоить:

— Посмотрим на наши критерии. Спрятать вторую Скрижаль Завета в Илье — идея потрясающая. Многие из нас недовольны миром, многие не в восторге от людей. Но в Илье эта ненависть доведена до предела. В «Предисловии» вы вспоминаете Ницше. «Последний твой грех — сострадание!», — говорит его Заратустра. Чудовищный текст, правда? Бездна одиночества!

— И при чем тут «Другой» с большой буквы? — Данила все еще не понимал, о чем мы с Андреем думали.

— Чтобы ответить на этот вопрос, Данила, нужно сначала понять, что такое одиночество, — начал объяснять Андрей. — Вот человек говорит: «Мне одиноко. Я совсем один». Но вокруг него люди — родственники, знакомые, сотрудники, часто даже друзья и супруги! О каком одиночестве идет речь?!

На Робинзона Крузо такой человек, мягко говоря, не похож. Но он не одинок, он *чувствует* себя одиноким. Это, как ты понимаешь, разные вещи. Кстати, «Меня никто не понимает. Меня никто не любит. Я никому не нужен» — все из этой же серии. Остается выяснить, почему он себя так чувствует.

Можно подумать, что виноваты окружающие: они не понимают нашего «одинокого волка», не ценят его, не любят, игнорируют его одинокую душу. Но если бы это действительно было так, то его душа чувствовала бы агрессию со стороны окружающих, а не собственное одиночество.

Так что проблема «одинокого волка» не в том, что к нему как-то не так относятся, а в том, что он сам не замечает других людей. Он сконцентрирован на себе. Он думает: «Меня должны понимать». И все изменилось бы, спроси он у себя: «А понимаю ли я тех, кто рядом?» Ему кажется, что его не любят. А кого он любит?

В общем, от чувства одиночества можно избавиться только одним способом — начать интересоваться кем-то, кроме себя!

От неожиданной простоты и прозрачности этого вывода мы с Данилой расхохотались.

— Да, с одиночеством я все понял, — сквозь смех произнес Данила. — А кто такой «Другой»?

— «Другой» — это тот, кого нужно почувствовать как себя, — улыбнулся Андрей. — Человека можно просто знать — как его зовут, какого он пола, возраста, профессии, вероисповедания. Можно быть в курсе его интересов, мыслей, переживаний. А можно открыть в нем целый мир, *почувствовать* его. «Другой» — это тот, с кем ты не играешь, а *живешь*.

Данила, помнишь, вчера ты пытался рассказать о себе, начиная каждое свое предложение со слов: «Я — это...». Много ты рассказал нам о себе? Ничего. Ты мог описать куклу по имени «Данила», но не себя. Твоя уникальность уникальна, о ней нельзя рассказать словами. Ее можно только почувствовать. Так и с «Другим». Это

не набор характеристик, это ощущение его уникальности, это его неизъяснимая ость...

Библиотека сайта : <http://ki-moscow.narod.ru/>

Маленьких мальчиков, — говорил Андрей, — часто считают жестокими. И правда, мальчишки способны на ужасные вещи. Они, случается, мучают и даже убивают животных, издеваются над ребятами, которые не могут за себя постоять, доводят до слез близких и родных. Но настоящая ли это жестокость? Нет.

Эти ребята уже знают, что им самим может быть больно — они боятся боли и не хотят, чтобы им делали больно. Но они еще не понимают, что и другие живые существа способны испытывать боль, мучиться и страдать. Ребенок не видит не только «Других», но и просто другие люди для него пока только куклы.

Он принимает в расчет свои чувства и ничего больше. Для него имеют значение только его собственные желания, а не чужие. А то, что другие люди такие же — с чувствами, желаниями и мечтами, — детям неизвестно. Они сконцентрированы на себе. У взрослых, переживших боль и страдание, иногда случается что-то подобное, только на другом уровне.

И тут я вдруг вспомнил, каким мы узнали Илью. Он явился Даниле в видениях, окутанный опаляющим холодом своего одиночества. Он видел только себя, себя одного. Прочие были для него куклами, пешками, зверьками. И ему было больно. Больно, потому что быть одному среди людей — это больно. Видеть только себя — это больно.

«Вы решили за мои деньги рекламировать человека?! — кричал он на директора рекламного агентства. — Я не собираюсь рекламировать дерьмо!»

И могло показаться, что он ненавидит мир, ненавидит людей. Но на самом деле Илья ненавидел только себя. Никого больше. И не понимал этого, не отдавал себе в этом отчета. Он только кричал. От боли. И все. Но кто делал ему больно, если не он сам? Почему? Потому что он чувствовал только себя. Полное одиночество.

— Перемены, которые случились с Ильей, — продолжал тем временем Андрей, — начались, мне кажется, в тот миг, когда он увидел умирающего мальчика, сбитого его машиной. Вот послушайте...

Андрей открыл «Возьми с собой плеть» и прочел:

«Илья опустился на колени и аккуратно приподнял его голову. По рукам побежала теплая, вязкая кровь. Юноша слегка повернул глаза и встретился взглядом с Ильей.

— Что со мной?.. — прошептали его губы. — Я умираю?..

— Похоже на то, — ответил Илья.

— Как это не вовремя... — протянул юноша и улыбнулся. Он словно бы и не опечалился от этой новости, а просто досадовал

— Да, наверное, — Илья вдруг поймал себя на мысли, что всегда хотел видеть себя таким — светловолосым, голубоглазым, слегка курносим.

— Это ты убил меня, да? — в глазах молодого человека мелькнуло недоверие.

— Да, я, — Илья сглотнул слюну, чтобы растопить застрявший в горле ком.

— А почему плачешь?

— Я Плачу? — Илья протер полные слез глаза. Он и забыл, как это бывает, когда плачешь. — Я не плачу...

— Знаете, — Андрей отложил книгу и посмотрел куда-то в сторону, — когда я прочел это, я вспомнил сказку про Снежную Королеву. Я вспомнил мальчика Кая, которому в глаза и в сердце попали осколки волшебного зеркала. Они не убили Кая, но его не стало. Полное одиночество.

— И помнишь, Данила, как он потом изменился? — не выдержал я, понимая, что и третий основной критерий Андрея здесь тоже сработал. — В мире Ильи появились люди. «Другие». Он стал нуждаться в людях. Просто видеть их глаза и чувствовать жизнь за их глазами. Их собственную, их уникальную жизнь!

Андрей пролистнул несколько страниц «Возьми с собой плеть» и снова начал читать:

«Илье вдруг надрывно, до боли захотелось с кем-нибудь поговорить, просто обмолвиться парой слов. Пусть эта беседа не будет долгой, пусть у нее не будет ни цели, ни смысла. Просто пусть она будет. Разговор ни о чем, просто. Просто глаза в глаза, и ничего больше. Ведь важно же в конце концов не то, о чем ты говоришь или что тебе говорят. Важно то, что тебя слушают и ты слушаешь...

Просто две души, разговаривающие ни о чем. О чем они разговаривают? Не зная того сами, они говорят о вечности.

Слезы застилали Илье глаза. Ему вспомнилось одиночество булгаковского Пилата. Нет, ему не нужна была вера. Просто человек, с которым можно было бы перекинуться парой слов. Слово — как молитва, как связующая нить, идущая, подобно Христу, по воде из вечности одного одиночества в вечность другого. Господи, зачем он жил все эти свои тридцать лет?! Как их потратил?!»

— Да... — Данила обхватил голову руками, его пальцы потерялись в солнечно-желтых волосах. — Все правильно. Он был совсем один. Совсем. Спрятался от мира. И перестал замечать тех, кто рядом. А без этого жизни нет. Только ощутив приближение своей физической смерти, он захотел жить. Жить — это любить ближних.

— И это не просто любовь, — добавил Андрей, — это *освобождающая любовь*.

— Освобождающая?.. — не понял Данила.

— Да, — подтвердил Андрей. — Часто любовь обременяет. Тебя любят и хотят видеть *каким-то*. Вгоняют в прокрустово ложе. Объясняют тебе это по-разному: «для твоей же пользы», «просто потому, что так лучше» или «потому что я люблю тебя». Ты должен соответствовать некоему образу. А твое это или не твое, хорошо тебе в этом образе или нет — влюбленного не интересует. Он не видит в тебе «Другого». Он видит в тебе то, что хочет видеть, но не *тебя*.

— И поэтому ты вспомнил песню, которую я пел Кристине? — догадался Данила.

— Да, конечно. «Можешь любить других, можешь совсем уйти, только свети, свети», — повторил Андрей. — И этому Илью научила Катя. Она увидела в нем «Другого», подлинного, настоящего Илью. Она любила его по-настоящему, освобождая.

Андрей открыл «Возьми с собой плеть»:

«Катя сидела на холодном полу камеры и раскачивалась из стороны в сторону. Слезы двумя ручейками сбегали по ее щекам и падали Илье на лицо. Прижимая к груди его голову, прикрыв рукой его распластавшееся по полу тело, она, как заговоренная, повторяла и повторяла странную, непонятную ей самой фразу:

— Смерти нет... Смерти нет... Смерти нет...

Откуда взялась эта фраза? Что она для нее значила? Зачем она ее повторяла? Этого Катя не знала. Но она знала только одно — это правда. Правда, в которую она верит, даже если все вокруг нее будет свидетельствовать об обратном.

— Что... Что ты говорить? — прошептал Илья, медленно приходя в сознание.

— Я тебя не могу потерять, — ответила Катя, глядя на Илью. — Ты моя кровь, Илья. Моя кровь. Не люби меня, не надо. Ты только живи, ладно? Мне бы знать только, что ты живешь...».

— А почему она повторяла эти слова — «смерти нет»? — спросил Данила, когда Андрей закончил читать.

— Платон говорил, что истинно влюбленный становится другом вечности, — улыбнулся Андрей. — У влюбленного вырастают крылья — рассказывал Платон. Они поднимают его на небесный свод. Там в своих великолепных колесницах кружат божества, там всюду свет и величие. Может быть, поэтому Катя знала, что смерти нет...

У меня вдруг защемило сердце. Мы с Данилой были свидетелями смерти Ильи. Но Данила видел только то, как умерло его тело. А я видел, как умирала его душа. И я никогда не забуду, как, не имея никакой надежды на спасение, он продолжал бороться. Стоя на дороге к смерти, содрогаясь от спазмов и боли, он просил меня:

«Нет, Анхель, смотри мне в глаза, пожалуйста! Я буду держаться столько, сколько смогу. Но сегодня я умру, я уже знаю это. Знаю точно. Смотри мне в глаза, Анхель, это единственное, что меня держит. Анхель, помоги мне, я буду стараться...»

Я часто переживаю эту сцену во сне. Раз за разом. Это мой ночной кошмар. И вдруг я увидел её наяву. Она словно бы пронеслась мимо моих глаз.

— Башня... — прошептал я. Данила удивленно посмотрел на меня:

— Что «Башня»?

— Что значила эта «Башня» на дороге?! — прошептал я. — И голос...

Я вдруг понял, что загробный мир есть, и он ужасен. Это ощущение было настолько реальным, настолько отчетливым и ясным, что меня затрясло.

— Данила, — с трудом вымолвил я, — это был Ад!..

— Нет, не может быть, — Данила ощутил мой ужас и попытался отмахнуться от него, словно человек, проснувшийся после ночного кошмара.

— Точно тебе говорю, Данила. Тьма... — меня охватила паника.

— Что «Тьма»? Какая «Тьма»? Анхель, успокойся! Ради всего святого, успокойся! — чуть не закричал Данила.

— Даже если мы узнаем Скрижали, мы не знаем, что такое Тьма!

Я хотел, чтобы Данила меня услышал! Я понял вдруг что-то очень важное. Что-то, о чем мы до сих пор не думали.

— Данила, — Андрей говорил серьезно и сдержано, — в «Предисловий к книге «Возьми с собой плеть» Анхель рассказывает о «точке сборки». Я понимаю это так: разные глаза видят разное. И у каждого из нас троих своя «точка сборки».

Я — ученый. И все вижу под этим углом зрения. Я не верю в другие жизни, в параллельные миры, в воскрешение, в Бога, во «Тьму», в «Свет». Это моя «точка сборки», я так вижу. И мне кажется, что все можно объяснить научным методом.

У тебя, Данила, своя «точка сборки». Я бы назвал ее «точкой сборки» мудреца. Ты смотришь на жизнь, не впадая в крайности. Ты не отрицаешь потустороннее, если, конечно, на то у тебя есть основания. Но ты и не веришь никакой мистической концепции, потому что концепция как таковая — это не факт, она лишь интерпретирует факты.

У Анхеля своя «точка сборки». Она отличается и от моей, и от твоей. Благодаря этому он видит то, о чем рассказывает. Нам это кажется странным и неправдоподобным. А как иначе? У нас ведь другие «точки сборки». Поэтому каким бы безумным ни казалось нам это утверждение, мы должны принять его к сведению.

— Знаете, это ведь у нас все время происходило, — признался Данила. — Рассудком я понимаю, что мои видения — ненормальность. Но они согласованы с реальностью. В противном случае мы бы не находили всех этих людей. Я вижу их в своих видениях. И вы правы, я не верю в Тьму, а Анхель верит. В общем, да — для меня это проблема.

Данила задумался, не зная, что сказать, не понимая даже, что именно его тревожит.

— Послушайте меня, — взмолился я. — Тьма есть! Раньше я об этом только думал, но сейчас я это почувствовал! Да! Правда!

— Анхель, — обратился ко мне Андрей, — я расскажу тебе одну историю. Однажды мудрец повстречал царя.

«Откуда ты идешь?» — спрашивает его царь.

«Из ада», — отвечает мудрец.

«И что же ты там делал?» — удивился царь.

«Мне нужен был огонь, — объяснил мудрец. — Я спросил, не поделятся ли они со мной огнем. Но их предводитель сказал мне, что они огня не держат. Ну, я удивился — как же так? А он мне и отвечает: „Говорю тебе, здесь огня нет, сюда каждый приходит со своим собственным“».

Вот такая история. Я не верю в Тьму, Анхель, но одно скажу точно: чем бы она ни была, она вряд ли сможет нас удивить.

Эти слова Андрея прозвучали для меня как гром среди ясного неба. Даже если нам и предстоит встреча с Тьмой, мы не должны поддаваться панике или страху. Какой бы зловещей и пугающей она нам ни казалась, она не больше нашего собственного страха. Человеку не может выпасть ноша больше той, что он способен вынести.

Я немного пришел в себя.

— Андрей, Данила, давайте поторопимся. Пройдем Скрижали чуть быстрее, — попросил я. — У меня не самые хорошие предчувствия. Ладно?

— Ничего не имею против, — сказал Андрей и продолжил свой рассказ о смысле второй Скрижали. — Ну так вот, по всему выходит, что вторая Скрижаль Завета говорит нам: ты узнаешь свою душу только через другую.

Наше «эго» — это мысли, чувства, опыт, это те роли, которые мы привычно играем в отношениях с окружающими. Но первая Скрижаль указала нам на необходимость отказаться от своего «эго». Что дальше?

Теперь наша истинная сущность должна найти себя. Но в этом ни мысли, ни чувства, ни опыт ей не помогут, ведь они питают «эго». Как же быть? Нужно увидеть истинную сущность другого человека, и тогда наша собственная проявит себя в резонансе с ней.

— Все правильно, — ответил Данила. — Но как это сделать?

— Не знаю, насколько тебе понравится мой ответ, Данила, но я снова расскажу историю, — сказал Андрей. — И опять про ад. Точнее — про ад и про рай. Говорят, что один человек мучился вопросом — стоит ли рай того, чтобы стремиться в него попасть?

«Мы же не знаем, чего нам ждать от загробной жизни, — рассуждал он. — Наверняка о ней никто ничего не знает».

И все люди смеялись над этим человеком.

«Ты сумасшедший! — говорили одни и крутили пальцем у виска. — Конечно, стоит, ведь это рай!»

«Ты все равно этого не узнаешь, — сочувственно разводили руками другие. — Чтобы узнать это, надо умереть».

«Какая разница? — заявляли третьи и фыркали. — Человек об этом не должен думать! Совершая благие поступки, нельзя думать о награде. Мы должны просто служить своему Господу, и все!»

В общем, никто не поддержал этого пытливого человека. Но Господь отнесся к его вопросу с пониманием и сочувствием. Командировка была оформлена, и наш герой увидел ад и рай еще до своей смерти.

Когда он вернулся, его немедленно обступили первые, вторые и третьи:

«Ну, что, паж?!» — спрашивали они.

«В аду я застал такую картину, — принялся рассказывать им этот человек. — Длинный-длинный стол. За ним друг напротив друга сидят люди. Множество людей. Стол заставлен яствами — красивыми, аппетитными! Такими, каких я в жизни не видывал! Ароматы и запахи щекочут ноздри, слюни текут по подбородкам. Но несчастные грешники не могут съесть даже крошки! Они ужасно, нестерпимо голодны, они пожирают еду глазами. Но и только... Так что правду говорят: за грех мы обречены на вечную муку!»

«Какой ужас! Какой ужас! Но почему же?! — спрашивали первые, вторые и третьи. — Почему эти несчастные не могут отведать яств со стола?!»

«Все очень просто, — ответил человек. — Их руки не сгибаются в локтях, они словно одеревенели. Как ни старайся, с такими руками крошки в рот не положишь!»

«Ааа, точно...» — понимающе ответили первые, вторые и третьи, и уже через мгновение с живым интересом принялись расспрашивать путешественника о том, что он видел в раю.

«В раю я увидел ту же самую картину>>, — невозмутимо ответил тот.

«Как ту же самую?.. — люди не поверили своим ушам. — Не может быть!»

«Может! Я вам правду говорю! Тот же стол, люди так же сидят друг напротив друга, те же аппетитные яства...», — отвечал человек.

«Но, значит, у них сгибались руки...», — предположил кто-то из слушателей.

«Нет, не сгибались», — пожал плечами человек.

«Ну, значит, они просто больше не испытывают голода», — предположил кто-то другой.

«Нет, они испытывают голод. Еще какой!» — ответил человек.

«Так значит и в раю, человек испытывает муки...» — решил еще кто-то, и с ним все согласились.

«Нет, не испытывает», — отрицательно покачал головой человек.

«Но как же такое может быть! — взмолились люди. — Ведь все то же самое, что и в аду!»

«Да, — согласился человек. — Только в раю они кормили друг друга...»

— Они кормили друг друга, — повторил Данила. — Да, все правильно. Это вторая Скрижаль.

ТРЕТЬЯ СКРИЖАЛЬ

Мы решили, что не будем откладывать обсуждение третьей Скрижали до завтрашнего дня. Но чтобы не сидеть в душном помещении, вышли на улицу. Андрей предложил прогуляться по парку, и мы с Данилой

согласились.

— Пстой, но разве в книге «Возьми с собой плеть» сформулирована суть третьей Скрижали? — спросил я Андрея. — Я сейчас опять вспоминал историю Ильи. По-моему, ничего подобного там нет.

— Думаешь? — улыбнулся Андрей. — А ты не помнишь, что написал в «Эпилоге»? Точнее, что тебе в «Эпилоге» сказал Данила...

— Данила?... — я попытался припомнить и обратился к другу: — Данила, а о чем там «Эпилог»?

— О «точке отсчета», — укоризненно покачал головой Данила.

— Ах, да! — вспомнил я. — Точно!

Действительно, Данила рассказал мне тогда о своей «теории». Идея о «точке сборки» не пришлась ему по вкусу. Она казалась ему слишком странной и непонятной. Но мои объяснения натолкнули его на одну очень интересную и важную мысль.

Все, что происходит с человеком, — это только события. Как к ним относиться, как воспринимать эти события — он решает сам. Он может видеть «проблемы» во всем, что с ним случается, и мучиться. Но у него всегда есть выбор, он может думать об этом и иначе.

«— Слушай, — сказал мне тогда Данила, — ну вот мир посылает тебе какого-то человека, хорошего или плохого, за помощью или с помощью — неважно. В этом должен быть какой-то смысл.

— Наверное, должен... — ответил я.

— А я теперь уверен, что должен! Я как прочел вторую Скрижаль, сразу во мне что-то переменилось. Во всем есть смысл! Этот человек, которого тебе мир послал, очень важное в твоей жизни событие. Может быть, он испытание для тебя, а может быть — тайна, которую тебе предстоит открыть. Общаясь с ним, ты, возможно, узнаешь что-то для себя важное, или что-то про себя самого, о чем раньше и не догадывался. Все это мир дает тебе через него! И благодаря этой случайной встрече ты можешь стать сильнее, умнее, больше, тоньше, глубже... Все это преобразует тебя!

— Одна и та же ситуация может восприниматься и как бремя, и как подарок! Как же это просто быть счастливым! — воскликнул я тогда. — Просто пойми: все, что ты делаешь, и все, что происходит с тобой, — это подарок!» Именно об этом и рассказала нам третья Скрижаль Завета.

— Ну что, анатомировать третью Скрижаль? — спросил Андрей и подмигнул Даниле.

— Безусловно! — ответил тот и рассмеялся.

Я не знаю, что из всего этого было на самом деле, а чего не было, — начал Андрей. — Но это и неважно. Я отношусь к вашим книгам как к головоломке. И трудно не заметить, что «Эпилог» «Возьми с собой плеть» перекликается с «Прологом» «Учителя танцев».

В первом случае Данила рассказывает о «точке отсчета», то есть о том, что мир вокруг нас — это отражение нашего внутреннего мира. У счастливого человека и мир счастливый. А у несчастного и страдающего и мир такой — несчастный, полный страдания.

Во втором случае Данила «перевирает» историю Будды, рассказанную в книге академика С. Ф. Ольденбурга. Я взял это издание в библиотеке и посмотрел, что именно «переврал», а точнее — перерассказал Данила.

«Чем Мара искушал Будду?» — вот вопрос, по которому у Данилы и Ольденбурга возникли разногласия. Досточтимый академик утверждал, что Мара воспользовался услугами своих дочерей. Их имена — Вождеделение, Неудовлетворенность и Страсть.

А Данила настаивает на том, что Будду искушала Иллюзия. Не знаю, откуда у Данилы такие точные сведения, — улыбнулся Андрей.

— Но он изложил самую суть подлинных *искушений*. С точки зрения буддизма, конечно.

Человека искушает Майя — то, что отсутствует, то, что, по словам Агвана, не имеет значения. На самом деле, Майя — это как раз то, что мы видим, о чем думаем и что чувствуем. Но это — ничто по сравнению с тем, что стоит за всей этой мозаикой жизни...

Буддист знает, что нет ничего, кроме вечности, кроме Нирваны. Он знает это так же хорошо, как суфий, знающий о том, что нет ничего, кроме Аллаха. Все остальное для них — тлен и метания духа. Настоящее и ненастоящее — вот о чем третья Скрижаль.

Я замер. Замер, потому что до этого момента я все еще сомневался. Мне казалось, что Андрей все-таки не сможет правильно «угадать» все известные нам Скрижали. Но сейчас я понял, что он не ошибется. И это даже испугало меня. Как ему это удастся?!

— Хотя ваши читатели, я думаю, — добавил тут же Андрей, — решили, что третья Скрижаль посвящена страданию и счастью: «отрекись от страдания, выбери дорогу к счастью». Третья Скрижаль этому, конечно, не противоречит, но ее суть в другом...

Он прочел мои мысли! Да, так было со всеми книгами, и особенно с «Учителем танцев». Когда я писал тексты, сами собой возникали разные уровни смысла. Это получалось не специально. Смысл Скрижали, словно желая остаться неузнанным, прятался за мыслями, которые в конечном счете и становились лейтмотивом книги.

Иногда я намерено опускал некоторые подробности. Например, с определенного момента мы с Данилой решили не давать географических привязок нашим поискам. Но в остальных текстах книг сами собой становились «ребусами». Я как раз пытался добиться большей понятности... Но как Андрей их разгадывает?

— Когда я думаю о ваших героях, — продолжал Андрей, — о Кристине, Илье, Максиме — обо всех, я вспоминаю одну мою знакомую. Она искренне верит в перерождение душ и в подобные вещи, к чему я, понятно, отношусь скептически. Но когда она начинает все это объяснять, даже у меня, несмотря на всю мою предубежденность, дух захватывает! Так вот, о таких людях, как ваши герои, она говорит — «старая душа»...

Что это значит, я могу рассказать только «теоретически». «Старая душа», как я понимаю, это человек, который уже множество раз перерождался. Его душа прошла мириады испытаний, познала взлеты и падения. И в конце концов обрела мудрость. В новое перерождение «старая душа» приносит свой прежний духовный опыт. И развивается не от нуля, а уже с высокого уровня. Примерно так.

Так вот, сейчас я должен составить психологический портрет Максима, а у меня на языке крутится одно и то же — «старая душа», «старая душа», «старая душа». И какую же, черт возьми, Скрижаль было бы правильно *спрятать* в «старой душе»?! В *такой* старой!

Андрей продолжал шутить и смеяться. Причем делал он это необычайно светло и радостно, даже когда иронизировал. Я смотрел на него и удивлялся этой его загадочной способности *легко* думать. Он размышлял о сложнейших вещах без духа тяжести. Он делал их прозрачными и вглядывался в них, словно ребенок, любовался ими. Старая душа...

— И что я думаю?.. Я думаю, что старой душе всего сложнее даются *простые решения*. Сложить два и два на примитивном калькуляторе и те же два и два на самом современном компьютере — это не одно и то же! Понимаете, что я имею в виду? Калькулятор справится с этим заданием в два счета, компьютер еще даже не успеет операционную систему загрузить!

С другой стороны, ведь мы с вами хорошо знаем, что одна и та же мысль в устах мудреца и дурака — это две разные мысли. Простое решение «старой души» — это завершение круга. «Молодая душа» может сказать: «Страдание — это ерунда!» Но что она знает о страданиях? Нет, это лишь бахвальство.

Когда же «старая душа» говорит, что страдание иллюзорно, мы видим величие духа.

Я слушал Андрея и думал. Я думал о нем самом, о Даниле. Они — «старые души». Очень трудно писать о «старых душах». Кажется, такой человек говорит простые и понятные вещи. Но из его уст они звучат совсем по-другому. Передают ли мои книги эту глубину? Боюсь, что нет, А мне бы так хотелось, чтобы многие люди могли прикоснуться к этой глубине, ощутить ее.

— Ну что ж, все необходимые предварительные пояснения сделаны. И я читаю очень важный кусок... — Андрей достал из кармана пиджака «Учителя танцев» и начал читать. «*Я все же, я — стоик, — говорит Максимилиан Сек сту, — И я верю, что мудрый, чьи суждения истинны, является единственным хозяином своей судьбы. То, что я почитаю — добродетель, справедливость, мою личную ответственность перед небом, — не может быть у меня отнято, и это моя судьба.*

Никакие внешние силы не могут лишить меня моей добродетели, моего справедливого рассуждения, моей личной ответственности за мои поступки. Я — царь и господин своего внутреннего мира, и он неприкосновенен ни для императора, ни для черни.

Меня можно убить, обесчестить, лишить всего, что я нажил за сорок пять лет жизни. Но в главном: я — город, который нельзя взять штурмом, нельзя сжечь или разорить. Рим — можно, а меня — нет. И поэтому я ничего не боюсь».

Перед моими глазами пронеслись ужасающие картины.

Горящий Рим. Сначала всполохи пламени в разных частях города, а потом все разрастающееся зарево, подобно гигантскому огненному зверю, пожирающее саму жизнь. Крики, стоны людей, паника, смерть.

Рим горит еще несколько дней. Но виновники пожара уже названы. Начинаются гонения на христиан. По приказу Нерона людей хватают прямо на улицах, разыскивают среди обгоревших развалин, отряды преторианцев прочесывают окрестности Рима.

А тем временем на пепелище «вечного города», как грибы после дождя, растут амфитеатры — места будущих пыток и казней. Здесь люди будут умирать без счета. Рим хочет увидеть кровь, много крови. Рим хочет забыть о своем ужасе.

Максимилиан заточен в императорской тюрьме. Его камера похожа на огромную дворцовую залу — каменные полы, высокий сводчатый потолок и большие арочные окна, глядящие на руины когда-то блиставшей величием столицы мира.

Нерон решил свести с Максимилианом счеты. Свободолюбивого сенатора нельзя запугать. Его легче убить, чем сделать послушным. И случай представился. Теперь сенатор-стоик обвинен в симпатиях к христианам, и будет казнен вместе с ними.

— Максимилиан бесстрашен, — говорит Андрей. — Ведь он в ладу со своей совестью. Он честен с самим собой и верен самому себе. Ему просто нечего бояться. Как можно бояться, если ты не сделал ничего предосудительного? «Нет, страх — это слабость, — рассуждает Максимилиан. — Страшась, ты предаешь самого себя. Это недостойно». То же самое и Максим: «Будь самим собой, и тебе нечего будет бояться». Но оба страдают... В чем же причина их страдания? «Потому что я не знаю, в чем смысл страдания!» — говорит Максимилиан. Он спрашивает себя об этом — и наталкивается на пустоту. За дверью его камеры уже стоит смерть, а он так и не понял этого! Какой в нем смысл?! Зачем это дано человеку?! Ради какой цели?! Нет ответа. Пустота. И то же самое Максим. Он нашел себя, свое дело. И вдруг жизнь отнимает у него это — он парализован.

Я вспомнил Максима. Танец был для него всем. Еще в детстве знахарка сказала его матери: «Он будет у тебя учителем... учителем танцев! Только этим и спасется!» И танец, действительно, открыл ему жизнь. Максим выпорхнул в нее благодаря танцу, словно птица через малюсенькую дверцу золоченой клетки.

«Легкие, семянце, как капель, шаги к краю сцены, парящие, почти невесомые руки. И вдруг — будто бы вырвавшийся из груди крик — резкий прыжок...»

Через мгновение Максим снова потерял себя. Он не чувствовал собственного тела, не контролировал своих движения и даже не понимал, что именно он делает. Он просто жил — вдруг, внезапно, по-настоящему.

Пробежка, фуэте, изгиб тела, гран батман, прыжок жете — один, другой, третий, падение, и снова,

снова полет.

Нет, не натянутые струны напрягали в этот момент резонаторы скрипок и виолончелей. Нет, это его душа — чистая, еще совсем юная — рвалась на свободу. И каждый миг, каждое движение открывали ее чему-то высшему, чему-то, у чего нет названия.

Танец был его жизнью, его внутренним миром, его Вселенной.

Максим не танцевал — он священнодействовал, являя в танце чудо собственного преображения. Из угловатой, нерасторопной гусеницы он вдруг превратился в парящую бабочку — величественную, царственную в своем утонченном изяществе».

— Да, трудно представить себе более подходящую кандидатуру на роль хранителя третьей Скрижали, — расслышал я голос Андрея сквозь пелену нахлынувших на меня воспоминаний. — И Максим, и Максимилиан — они превозмогли свою боль. Один отлучен от танца, которым он жил, другой приговорен к смерти. Но они держат удар. Их беспокоит только судьба женщины — Ани, Анитии.

— Но почему ты думаешь, что именно в таком человеке нужно было прятать третью Скрижаль? — перебил его Данила.

— Очень просто, — улыбнулся Андрей. — Сказать, что все иллюзия, может кто угодно. Большого ума для этого не требуется. Но от Максима и Максимилиана нужно было большее. Это «утверждение» должно было стать частью их самих. Но как?! Они победили страдание в своей жизни. Они воины. Они умеют держать удар. Они не сдаются. Они знают, как это — быть. Они Учителя! И теперь частью их самих должна стать фраза: «Все иллюзия». Немыслимо!

— Да, действительно, — согласился Данила. — Я как-то об этом не подумал.

— Они боролись со страданием, это был их душевный труд. Они искали выход и нашли его. Но когда они победили страдание, когда они смогли отодвинуть его от себя, научились смотреть на него со стороны, оказалось, что они боролись с иллюзией! *Проблема простого решения.*

— Выбрать дорогу к счастью? — уточнил Данила.

— А что может быть проще? Не бороться со страданием, а пройти мимо него — ответил Андрей. — Я слышал историю про одного духовного учителя. Этот странный человек всю свою жизнь оставался счастливым, улыбка ни на секунду не сходила с его лица! Вся его жизнь была словно бы исполнена ароматом праздника...

И даже на смертном одре он продолжал весело смеяться. Казалось, что он наслаждается приходом смерти! Его ученики сидели вокруг — озадаченные, растерянные — и недоумевали.

Наконец, один из них не вытерпел и спросил:

— Учитель, почему Вы смеетесь? всю жизнь Вы смеялись. Но мы так и не решились спросить у Вас, как Вам это удастся. А сейчас мы и вовсе растеряны. Умирая, Вы продолжаете смеяться! Но что же в этом смешного?!

И старик ответил:

— Много лет назад я пришел к моему Учителю. Я был тогда молод и глуп, как вы сейчас. Мне было всего семнадцать лет, а я уже был страдальцем — измученным и озлобленным на жизнь. Моему Учителю тогда было семьдесят, и он смеялся просто так, без всякой причины. Я спросил его: «Как Вам это удастся?» И он ответил: «Я свободен в своем выборе. И это мой выбор. Каждое утро, когда я открываю глаза, я спрашиваю себя: „Что ты выберешь сегодня — блаженство или страдание?“» И так получается, что с тех пор и я каждое утро выбираю блаженство. Но ведь это так естественно!

И каждому из них — и Максиму, и Максимилиану — эту истину помогла понять женщина, — Андрей покачал головой. — Мужчины боролись со страданием, а женщины, исполненные силой своей любви, сами того не понимая, чутьем своего сердца, выбрали дорогу в обход страдания, дорогу к счастью.

Помнишь, Данила, ты сказал, что страдание — это препятствие человека на пути к самому себе. И это правда — мы не рождены для страдания, мы рождены для радости. Но многие ли знают об этом? И Аня говорит тебе потрясающие слова: «Счастье и страдание — это просто две разные дороги. Совсем разные! Остается только выбрать, по какой идти...»

И вдруг я заплакал. Заплакал, вспомнив эту картину — Максимилиана и Анитию на залитой кровью сцене римского амфитеатра. Максимилиан истекает кровью, у него вырван язык, тело распято на кресте и подвешено над клеткой с голодными львами. Анития идет к своему учителю по тонкому подвесному мосту, словно по воздуху.

«Почувствовав приближение Лнитии, львы вдруг присмирели. Их гривы еще топорицились, они еще хрипели, вдыхая ноздрями воздух, но уже не рычали. Они скулили — жалобно, словно потерявшиеся котята.

— Она святая! Святая! — покатило по трибунам шелестом тысяч губ.

— Над пропастью страданий лежит дорога к счастью, — прошептала Анития, лаская нежным взглядом лицо любимого учителя. — И пока чувства живы, нет этой пропасти. Есть только одна — длинная-длинная — дорога к счастью. Слушай мое сердце, Максимилиан...

Но он не мог ей ответить, не мог вымолвить ни единого слова, просто открыть рта. Он лишь качнул головой и улыбнулся одними губами, на которых багровела запекаясь кровь. Нежность и благодарность его души была в этой странной улыбке.

Женщины на трибунах тихо плакали, мужчины встали со своих мест и напряженно вглядывались в лица приговоренных.

Тревожный гудок сигнального рога разорвал тишину. Тысячи грудей схватили воздух на глубоком вздохе. Сейчас рабы перерубят веревки, удерживающие крест над клеткой. Он упадет, и свирепые хищники в считанные секунды разорвут сенатора на части.

Раздался звук ударов по колодкам. Лебедки жалобно взвизгнули. Блоки на веларии затрепали. Крест легонько качнулся, словно подбитая в полете птица, и пошел вниз.

— Ааа... — протяжным стоном надорвались трибуны.

Стоя на краю клетки, Анития держала огромный дубовый крест с распатым Максимилианом на своих тонких вытянутых руках. Казалось, время остановилось, замерло, не желало двигаться дальше.

Люди не верили своим глазам, тысячи глаз не верили самим себе.

„Отпусти... — шептала душа Максимилиана. — Ты не можешь...“

„Я могу... — отвечала душа Анитии. — Я могу...“

— Да, — растерянно протянул я. — Действительно, речь в третьей Скрижали не о страдании и не о счастье. Речь о страхе перед смертью. Он как тень ходит вокруг человека и не позволяет ему чувствовать себя счастливым. Но стоит понять иллюзорность всех этих метаний, и ты...

— Да, — подхватил мою мысль Андрей, — страх владеет нами, только пока мы верим в опасность. Страх владеет нами только до тех пор, пока мы боимся. А смерти *нельзя* бояться. Не «не нужно», а именно «нельзя», «невозможно». Мы ничего не знаем о смерти. Нам известно, что мы не сможем продолжать свое прежнее существование. Но и что с того? Что в *этом* ужасного?!

Мы боимся, предполагая худшее? Но почему мы не думаем о смерти иначе? Ну, например, как о новом рождении? Мы сами придумали себе эту опасность. С равным успехом мы могли бы придумать и радость. Это наш выбор. И это говорю я — атеист, материалист и еще бог знает какой зануда! Даже я так говорю! Как же могут бояться смерти те, кто утверждает, что верит в Бога, в загробную жизнь?! Как?! Объясните мне!

— Буддисты же в Бога не верят, они верят в Нирвану. Так? — уточнил Данила. — И они не думают о смерти. Они думают о новых рождениях.

— Данила, мне кажется, не совсем так, — ответил Андрей. — Нирвана, как и счастье, не могут быть «теоретическими». Человек или живет с этим, или нет. Поэтому в Нирвану *нельзя верить* — в ней можно только быть. И чем «старше душа», тем легче в нее попасть.

Сказав это, Андрей улыбнулся. А я подумал о нем. Я подумал о том, как деликатно он обходится с реальностью. Он не принимает на веру то, что требует доказательств и не имеет их. Но он точно так же не отвергает того, чего не может отвергнуть за отсутствием контраргументов. «Человек или живет с этим, или нет. Поэтому в Нирвану *нельзя верить* — в ней можно только быть».

— Ну, теперь, я думаю, у нас есть все три критерия, чтобы сказать о сути третьей Скрижали, — Андрей в задумчивости остановился посередине парковой аллеи и смотрел себе под ноги. — Начало в предыдущей книге, психологический портрет Максима-Максимилиана — главного героя в этой и, наконец, те перемены, которые произошли в нем к самому концу «Учителя танцев».

Вы написали, что Максим слышал то мое интервью на радио. Тогда я сказал: «Если вы смотрите на вещи поверхностно, вы неизбежно попадаете в западню. Так устроен наш разум — то, что на поверхности, его путает. Поэтому мы должны научиться видеть суть вещей, не то, что на поверхности, а то, что *за* этой поверхностью. Страдание — это испытание, да. Но у самого страдания нет сути. Оно — пустышка. А у счастья есть суть, тут даже объяснять нечего. И так во всем».

Я правда так думаю. И мне кажется, что Максим понял, что имеет значение, а что — нет. Сгоревший Рим, сгоревший дотла «вечный город» — это как символ, как воплощение всего мирского — проходящего, суетного, сиюминутного. Никакое земное величие никогда не сравнится с тем, что стоит за ним, что было и есть в начале всего. И как за личностью каждого из нас стоит наша сущность, так и за всем этим миром стоит его сущность. И это сущность Света.

«Все суета сует, все суета» — Максим-Максимилиан словно вторит Екклесиасту, с завещания которого вы начнете следующую книгу. «Но эта правда не обесценивает мир, — добавляет Максим-Максимилиан. — Ведь за всей этой суетой скрывается то, что поистине имеет смысл». Вот он — урок страдания. И смысл страдания в этом уроке. Познавший эту истину может впредь страдать, а может чувствовать себя счастливым. Теперь это уже его собственный, личный, свободный выбор.

Только сейчас Андрей поднял глаза и улыбнулся:

— Кстати, — сказал он, — вот и горящий Рим.

— Где? — не понял Данила.

— Да вот! — Андрей указал рукой куда-то в сторону.

Мы с Данилой, словно по команде, обернулись. На стенде театральных афиш красовался огромный плакат с лицами Максима и Ани.

В небольшом, но очень уютном театральном зале было не протолкнуться. Молодые лица — красивые, умные, полные воодушевления и оптимизма. Все они пришли на этот спектакль не случайно. Они пришли на него, потому что у них живые души. Я не знаю, как сказать об этом по-другому.

Но так есть — бывает, смотришь на человека, и понимаешь, что у него душа мертвая. Молодой или старый — все равно, он мертвый. А в другой раз смотришь на человека и видишь, что ему, несмотря на его шестьдесят или семьдесят — двадцать, а то и меньше. У него душа живая. В этом зале не было мертвых душ.

Конечно, ни я, ни Данила не верили своим глазам, когда смотрели на этот плакат в парке. Нам казалось, что это обман восприятия. Не может быть! Вчера мы совершенно случайно встречаем на улице Никиту, сегодня мы натыкаемся на афишу, объявляющую о премьере балета, поставленного Максимом.

— Вас надо поздравить! — шутит Андрей. — По вашим книгам уже балеты ставят!

— *Это* они по своей жизни балет ставят! — тем же тоном отвечает ему Данила.

— Они им живут, — добавляю я.

Третий звонок. Публика расселась по местам и замерла. Свет становится все более приглушенным и гаснет.

Звук внезапно врывается в зал, подобно ураганному шторму. Черная до того сцена озаряется вдруг солнечно желтым светом. Он режет глаза, ослепляет. Несколько абстрактных геометрических форм создают полное ощущение панорамы целого города.

Это пирушествовавший Рим, центр мира — праздничный, беспечный, влюбленный в самого себя. Ничто не предвещает беды. Слава, богатство и власть — что еще нужно, чтобы не думать больше ни о чем, кроме игр и развлечений? Люди счастливы!

И пока одни торгуют заморским товаром, другие выгуливают свои новые наряды, а третьи соревнуются перед публикой в ораторском мастерстве, двое — мужчина и женщина — *рядом*. Да, просто *рядом*.

Что бы они ни делали, они делают это *вместе*. Их шаг — это *одно* движение, мужская рука и рука женщины — словно *одна* пара крыльев, полуоборот головы его и ее — *один* полный круг. Они *рядом* — вне времени, вне пространства, вне мира.

Тревожные звуки наполняют пространство, они исходят откуда-то из глубины зрительного зала, из-за наших спин. Некоторые зрители даже оборачиваются, не понимая, что происходит. Огненно-рыжие прожектора разрезают воздух над нашими головами.

Рим полыхает. Паника. Истошные крики обезумевшей толпы. Величественные здания рушатся, складываются, словно карточные домики. Царственный Рим, едва вспыхнув, превращается в жалкую горстку пепла. Смерть.

И посредине кипящего огненного моря — двое, мужчина и женщина — над этим пламенем, над этой смертью. Душу нельзя опалить огнем, сердцу, познавшему высший свет, не страшна смерть. Суeta мирских катастроф не касается *двух*.

Смерть и воскрешение. Кто умирает, если душа способна воскреснуть? Чего мы боимся, если смерть крадет лишь оковы? Что есть сама смерть, если она не способна коснуться души? Избавление от иллюзий — не потеря, но обретение.

Иногда танец может сказать куда больше слов. Максим с Аней танцевали именно так — рассказывая. Конечно, это не был спектакль по книге «Учитель танцев». Они рассказывали свою историю, себя.

Научившись отличать истинное от внешнего и потому ложного, они обрели свободу. И не заметить этого, глядя на их танец, было невозможно. Они *танцевали...*

Когда спектакль закончился, я вдруг понял, что зал молчит. Занавес опустился, а в зале словно и нет никого. Абсолютная тишина. Оцепенение. Я *истугался* — не понравилось, не поняли? Почему такая тишина?!

И тут грянул шквал аплодисментов. Люди в зале словно выдохнули все вместе. И тут же задохнулись от переполнявших их чувств. Мы все, глядя на сцену, пережили настоящее потрясение. Теперь пришло время восторга и искренней радости.

— Пойдемте за кулисы, — предложил нам Данила.

За кулисами было шумно. Люди галдели, воодушевленно переговаривались друг с другом, обсуждали увиденное. У гримерок толпились поклонники с цветами.

— Данила, — послышалось откуда-то сзади.

Он автоматически обернулся, и я услышал его крик:

— Катя, ты?! Не может быть!

Да, за нами стояла Катя! Та самая — оставшаяся в этом мире половинка Ильи.

— Данила! — воскликнула Катя и, не в силах сдержать себя, кинулась в его объятия.

— Как я рад! — шептал Данила, глядя ей в глаза. — Как я рад тебя видеть!

Она ничуть не изменилась. И грусть по-прежнему была в ее глазах, но теперь в них была и вера. Нет, не вера, а уверенность. Раньше она только хотела быть частью Ильи, разделить с ним и жизнь, и смерть. Теперь она чувствовала себя им.

«Илюшенька, — говорила ее душа, обращаясь к любимому, — милый мой, прислушайся к моему сердцу... Оно бьется ради тебя. Каждый день, каждую минуту, оно трудолюбиво стучит, чтобы ты мог жить. У нас с тобой одна душа на двоих. Я знаю это.

Почему ты не слышишь его? Это же так просто — только прислушайся к моему сердцу, как я прислушиваюсь к твоему дыханию. Ведь ты дышишь, чтобы я могла жить. Я знаю это. Моя любовь сделает тебя счастливым. Она сделает тебя таким... Только прислушайся...»

— Катя, как ты здесь оказалась?! — я не верил своим глазам.

— Я на спектакль пришла — к Максиму и Ане, — ответила Катя.

— Ты их знаешь? — удивился Данила.

— Да, конечно, — тихо улыбнулась Катя. — Я же читаю все ваши книги. Спасибо вам!

— За что спасибо? — не понял Данила.

— За то, что вы делаете, — ответила Катя, и в глазах ее зажегся лучик надежды.

— Господи, да что мы такого делаем? — Данила смугился.

Катя замолчала, опустила глаза. И я понял — она вспоминает Илью. Она живет им, живет с ним. Ей одиноко и временами, наверное, очень больно.

— Я читаю ваши книги и не чувствую себя одинокой. Понимаете?.. — Катя смотрела на нас своими большими голубыми, как небо, глазами и плакала слезами радости, слезами силы. — Я вижу теперь, что хотя все мы разные, но у нас одна душа на всех. Понимаете?.. Одна на всех. Общая.

Вы написали, что у меня с Илей одна душа на двоих. Это правда. Я так чувствую. Но если смотреть глубже, то ведь каждая душа с каждой другой душой связана. И даже если люди не знают друг друга, это ведь еще ничего не значит. Стоит им заговорить, просто посмотреть друг другу в глаза без страха — и эта связь, она

чувствуется.

И вот я читаю ваши книги и словно смотрю этим людям в глаза. От этого тепло на душе и появляются силы. Я теперь хочу жить. Еще до смерти Ильи не хотела, а теперь хочу. Все это благодаря вам. А еще я познакомилась с Максимом и Аней. Посмотрела им в глаза и словно узнала, как будто видела их, пока читала «Учителя танцев».

От переполнивших меня в эту минуту чувств — нежности, сочувствия, заботы — я словно потерялся. Я не мог сказать ни единого слова, только что-то мычал и улыбался, наверное, как какой-то дурак.

Катя схватила нас с Данилой за руки и повела в гримерку к Максиму и Ане. Их радость трудно описать словами. Они были ошарашены нашим появлением. И счастливы, очень счастливы, и мы были счастливы.

Максим узнал Андрея, он помнил его голос. И долго благодарил его за те слова, в том ночном эфире на радио. Аня буквально повисла у Данилы на шее и все время что-то говорила, говорила, смеялась, плакала и снова говорила.

Я уже плохо понимал, что происходит. Что мы делаем, куда идем. А мы куда-то все вместе пошли. Я был как в забытьи, словно растворился в этих отношениях между всеми нами — мной, Данилой, Катей, Андреем, Максимом, Аней.

Никогда раньше я не понимал этого странного русского слова — «братание». Но теперь, кажется, понял. «Братание» — это когда радость одна на всех. Не просто общая, а *одна*. Когда все как *один*. Общая душа. Одна.

Мы были в гостях у Максима и Ани. Все о чем-то разговаривали, шутили, смеялись. Подробностей я почти не помню. Помню только, как Максим говорил Андрею:

— Знаете, что я тогда понял? Ведь дело даже не в том, что страдания не существует, что оно — иллюзия. Будда просветлился не от этой истины. Он увидел счастье. Это было мигмом его просветления. Счастье, которое он называл Нирваной. Нужно не просто отречься от страдания — нужно принять счастье. Поверить в то, что оно есть. И есть уже сейчас, уже в этот момент бытия. Миллионы, миллиарды людей мечтают о счастье. Но ведь по-настоящему они в него не верят. Они думают о нем, как о вечно удаляющемся горизонте, или как о небе, которое всегда недостижимо высоко над головой. Но горизонт здесь — под ногами, а небо — вот оно, начинается от земли.

ЧЕТВЕРТАЯ СКРИЖАЛЬ

Следующим утром мы снова были у Андрея. Он выглядел серьезным и сосредоточенным.

— Что-то не так? — спросил я.

— Нет, все нормально, — ответил Андрей. — Странно, конечно.

— Что странно?

— Странно, что я не верю, — ответил он и как-то грустно улыбнулся. — Все еще не верю.

— В книги? — удивился я. — В то, что мы рассказываем?

— В то, что это *реальность*. Вот... — Андрей развернул перед нами огромный лист с таблицей, испещренной пометками. — Видите, в этой графе события — то, что с вами происходило. А вот в этой — возможные научные объяснения этого. Самые разные — от информационной теории поля до диссоциативного расстройства и онейроида. Но среди этих объяснений нет ни одного со словом «реальность». Странно, правда?

Данила отшутился:

— Ничего странного. Из нас троих только Анхель ни в чем не сомневается. У тебя, Андрей, хоть объяснения есть!

Я испытал *чувство*, которое сложно описать словами. Что-то сродни отчаянию или бессилию.

— Но такое количество людей, — еле слышно прошептал я. — Они ведь все...

— И еще десяток объяснений, — с искренним сожалением ответил Андрей. — Взаимная индукция, внушение, конфабуляции на фоне реактивного состояния, массовая галлюцинация... Вот...

Он показал в последнюю графу своей таблицы.

— Данила... — я растерянно посмотрел на своего друга, словно ожидая от него какой-то реакции, сам не понимая какой.

Он пожал плечами и отвел глаза.

— В конце концов, это же не меняет сути, — сказал Данила. — Я верю в то, что мы делаем, а не в то, что с нами происходит. Даже если мы спим или галлюцинируем. Какая разница? Вот ты, Андрей, ты помогаешь людям, которые больны шизофренией. То, что с ними происходит, ты классифицируешь как безумие. Но ты же не споришь с ними. Ты просто пытаешься им помочь, «допуская», что они правы. Это как некая презумпция, насколько я понимаю. Без этого у тебя ничего не получилось бы.

— Да, — согласился Андрей. — Человек страдает и нуждается в помощи. Какая разница, насколько достоверны его рассказы? В психиатрии есть теории, которые утверждают, что сумасшедший — не сумасшедший, а особенный человек, который воспринимает реальность, недоступную обычному сознанию. Пытаясь объяснить ее «нормальной» частью своего сознания, он сталкивается с парадоксами и переживает душевное страдание. Хорошая теория. Но как ее использовать для лечения?.. Никак.

— Но ты же не считаешь нас, — я посмотрел на Данилу, — *меня* сумасшедшим...

— Нет, ни тебя, Анхель, ни Данилу. Честное слово! Просто я не могу относиться к вашим историям как к факту реальности. Моя картина мира не позволяет. Моя «точка сборки». И еще мои знания. Ведь я понимаю, сколь безграничны возможности нашего мозга. Он никогда не перестанет нас удивлять. Впрочем, как и морочить нам голову.

Но Данила прав, это не меняет сути. Я понимаю, как много значат эти Скрижали. И какая разница, как они

нам явлены? Святыми, инопланетянами или «в бреду»? Истина от этого не становится менее истинной. А то, что наука не объясняет всего, это очевидно. Слишком много вопросов, на которые ученые не могут и никогда не смогут ответить.

— Анхель, пожалуйста, не расстраивайся так, — попросил меня Данила. — Ты же удивляешься этим схемам, таблицам. Тебе кажется странным, что Андрей видит в наших книгах ребус, логическую задачку. Но для него это нормально. А мне ведь и мистика непонятна, и наука кажется странным занятием. Но я понимаю, что есть люди, которые нуждаются в помощи. И я знаю, что скрижали помогут многим.

Да, Данила прав. И Андрей прав. И я прав. Мы просто смотрим на мир по-разному. Для Андрея — это непаханое наукой поле. Для Данилы — это отношения между людьми. Отношения, в которых почему-то, против всякого здравого смысла, нет гармонии и любви. А для меня это борьба Света и Тьмы, причем реальных. Светлые и темные духи... Как учил меня дед.

Легче всего мне было разгадать смысл четвертой Скрижали, — говорил Андрей, выставляя на стол печенье, орехи и цукаты. — Чего меньше всего у человека, страдающего параноидным расстройством?

— Вопрос не по окладу, — пошутил Данила.

Эту «прибаутку» он принес из армии. Она означает, что задаваемый вопрос должен быть адресован вышестоящему командованию. В широком смысле — спрашивайте у тех, кто это знает и кто за это отвечает.

— Человек, страдающий параноидным расстройством, не доверяет окружающему миру, — объяснил Андрей. — Абсолютно. Вообще — ничему и никому. Мир кажется ему враждебным. А все происходящее кажется ему «заговором» — за этим человеком следят, его мысли прослушивают, против него замышляют что-то ужасное...

Андрей продолжал рассказывать об основных проявлениях этой болезни, а я словно перелистывал в своем сознании страницы Митино дневника.

«День первый. О том, что за мной установлена слежка, я начал догадываться три дня назад. События последующих двух дней подтвердили мои самые худшие предположения. Я пытался установить систему. Мне нужно было понять, чем агенты, приставленные ко мне, могут выдать себя. Я перебирал сотни вариантов. Шел по улицам, приглядывался, прислушивался.

Агенты переговариваются у меня за спиной — в транспорте, на улицах, в офисе моей конторы. Я слышу, что они говорят обо мне. Я оборачиваюсь и смотрю на них, но они тут же делают вид, что говорят о совершенно посторонних вещах — о погоде, о покупках, о своих родственниках.

День второй. Сегодня самый ужасный день моей жизни. Пытаюсь все записывать подробно, чтобы не сбиться и ничего не упустить. С утра мама заглянула ко мне в комнату:

— Митя, что ты будешь на завтрак?

Я сразу понял, что и ее завербовали. Они зомбируют всех, с кем я могу хоть как-то войти в контакт. Конечно, они должны были сделать это и с моей матерью.

Я вышел в кухню и пригляделся к тому, как она нарезает хлеб. Нож в ее руке ходил не как обычно. Обычно мама режет хлеб по верхней поверхности, как будто распиливает бревно на козлах. А эта женщина резала хлеб с краю, по боковой поверхности.

Черт! Они не стали ее вербовать, они просто ее украли и подменили агентом! Как ужасно осознавать, что так могли обойтись с твоей матерью...

День третий. Ну все. Попался. Кончено. Столько агентов. Они и милиционеров завербовали. А вот теперь врачей из себя изображают. Понятно, они хотят меня перепрограммировать. Так они поступают со всеми, у кого нет души. Но у меня она есть. Теперь они будут пытаться ее уничтожить.

День четвертый. Я испытываю внутреннюю опустошенность... Я ничего не испытываю... Я опустошен... Внутри...».

Я вспомнил Митю. Этого странного юношу, который решил разрушить мир. Ему казалось, что если он разрушит мир, то он его спасет. Странная, парадоксальная идея. Впрочем, ничего странного, если учесть, как он относился к самому себе. Ведь он был раздвоен. В нем жило два человека — один Митя, а другой — Дмитрий.

(Книга из неПУТЬёвого сайта Вишнякова Андрея)

Я помню, как мы с Данилой мучились, пытаясь понять, чего же Митя хочет на самом деле. Почему он называет «Дмитрия» дураком? В чем состоит Митин план по разрушению мира? О чем он думает, когда говорит, что гусеница не всегда превращается в бабочку? И наконец, как ему помочь выпутаться из этого бреда?

— А в таком состоянии человек не только миру, но даже самому себе не доверяет? — спросил Данила.

— Да, даже самому себе, — подтвердил Андрей. — *Особенно* самому себе. Только он этого не понимает. А все дело именно в этом...

— Так было и с Митей! — понял я.

— Да, — Андрей качнул головой в знак согласия и принялся рассказывать о психологическом феномене «проекции».

То, как мы воспринимаем окружающий мир, зависит от того, как мы относимся к самим себе. Если человек верит в себя, то и окружающий мир он воспринимает положительно. А если человек, наоборот, озлоблен на себя, то и Мир вокруг кажется ему исчадием зла. Мы проецируем свое отношение к себе — на мир, словно луч диапроектора, отбрасываем его на экран.

— А значит ли это, что Митино желание уничтожить мир было его желанием уничтожить самого себя? — Данила внимательно посмотрел на Андрея.

— Ну... и так, и не так, — улыбнулся Андрей. — «Проекция» — сложное понятие. Тут надо быть осторожным. В случае Мити суть вот в чем... Очень трудно ненавидеть самого себя. Ну согласитесь, это надо ухитриться! Мы инстинктивно так устроены, чтобы жалеть себя, холить, лелеять, защищать. Ненавидеть себя —

это против инстинкта самосохранения! Это биологический нонсенс! Как же выйти из такой ситуации? С помощью «проекции». То есть вынести свою ненависть за пределы себя, во внешний мир. Человек начинает подозревать окружающий мир в «заговорах», думает о «роке», о «проклятиях» и тому подобном.

— И что нужно сделать, чтобы исправить эту ошибку? — спросил Данила. — Человек должен понять, что на самом деле он ненавидит себя? И признать, что «злой мир» он просто придумал?

— Желаю успеха! — рассмеялся Андрей. — Нет, конечно, лобовая атака здесь не сработает. И не надейтесь! Если человек с этим согласится, он будет выглядеть полным идиотом! Это неприятно. И он не будет этого делать.

— А как же быть?.. — разочаровано протянул Данила.

Андрей задумался — Видимо, о том, как нам все это объяснить. Встал со своего места, прошелся по комнате. Безучастно взглянул на книжные полки, затем в окно.

— Значит так. — после короткой паузы Андрей поднял на нас глаза, сдвинул брови и улыбнулся. — Мужайтесь. Начинаем от печки. Если мы хотим помочь человеку, мы должны понять самого человека. Это неперемное условие. Прежде чем переводить старушку через дорогу, следует осведомиться, надо ли ей на ту сторону улицы... Итак, вопрос — из-за чего Митя ненавидит себя?

Мы с Данилой задумались. Мне, разумеется, в голову пришла мысль, что это как-то связано с прежними жизнями. Но Данила опередил меня с ответом, и свой вариант я уже решил не высказывать.

— Это что-то иррациональное... — сказал Данила.

— Да уж, рациональности здесь не много! — снова рассмеялся Андрей. — Он ненавидит себя, потому что не находит в себе того, чего хотел бы найти. Логично?

— Потому что не находит в себе того, чего хотел бы найти, — почти по слогам повторил за Андреем Данила. — Логично.

— А кого он хочет в себе найти? — спросил Андрей. — Вы, вот, сами чего, например, ищите?

— Вообще, человек хочет найти в себе Бога, — сказал Данила. — Еще у нас говорят: «божью искру», «промысел». Ведь что такое вера? Вера — это когда ты чувствуешь присутствие Бога в своей жизни, что он в тебе.

— Собственно, с этого я и начал, — улыбнулся Андрей. — Вот что Митя записал по этому поводу в своем дневнике...

Андрей открыл «Дневник сумасшедшего» и прочел:

«Психолог подошел к окну и долго смотрел куда-то в небо. Лицо у него доброе и спокойное, словно он все знает.

— Богоискатель, — сказал он наконец,

— Чего? — не понял я. — Кто?

— Ты, Митя, ты, — спокойно ответил мужчина,

— Почему?

— Хочется все разрушить, — сказал он и задумался. — Если все разрушить, ничего не останется или что-то будет? Есть надежда, что что-то останется. Ведь так? Наносное уйдет, вечное да пребудет вовеки. Верно? И это что-то — Бог. Ты увидишь Его и скажешь: „Вот он я. Господи!“

Странные слова. Но, наверное, так и есть. Я вспомнил, что три дня назад говорил мне Ваня: „Самоубийца, думаешь, о чем мечтает? Понять, что он еще жив. Только перед самой смертью и почувствует. А в жизни не может, так ему плохо“. Уничтожить мир, чтобы увидеть Бога...

— Глупо, да? — спросил я.

— Нет, — улыбнулся он. — Даже логично. Просто странно...»

— То есть Митя не хотел уничтожать мир, — догадался я. — Он хотел убить в себе все внешнее, все наносное, чтобы увидеть себя настоящего?

— Да, — сказал Андрей. — Это первая Скрижаль — отказаться от самого себя, от своего «эго», чтобы найти свою сущность, свой Свет. Но в чем тогда смысл четвертой Скрижали?.. Мы знаем уже три. Первая — об отказе от «эго». Вторая — о Другом. Третья — о том, что все сплошь иллюзия, кроме Света — в Тебе и в Нем. В чем же четвертая?! Доверие!

Митя не доверяет самому себе, борется с самим собой. Ему кажется, что он борется с миром. Но ненавидит он себя — «Дмитрия»! И поэтому я сказал Мите: «Бороться с самим собой — дело бессмысленное. Такая борьба — только иллюзия внутреннего роста. Если ты борешься с самим собой, значит, ты где-то себе врешь».

И тогда Митя меня спросил: «А что, если это ужасная правда?». И я услышал в этом вопросе: «Я боюсь, что во мне нет Бога». Да, я услышал именно это! И я стал говорить с Митей о Дао. Я сказал ему: суть Дао в том, что нет ни черного, ни белого. Есть то, что движется. А поэтому нет ничего живого, в чем бы не было Бога.

«Всякая борьба — иллюзия. И в этом Бог. Бог — не борьба, Бог — это доверие и поступки».

И я вспомнил. Вспомнил, как эти слова повлияли на Митю. Как он записал в дневнике: «И когда он говорил это, словно бы какой-то свет ударил меня изнутри. Все мое сознание вдруг стало проясняться. Необыкновенный прилив свежести, чистоты».

— Но вот мы снова произносим слово, — продолжал тем, временем Андрей. — Сейчас мы говорим — «доверие». Но что оно значит?! Я, например, могу доверять или не доверять рекламе. А могу доверять или не доверять судьбе. Есть разница? Я сажусь в самолет и фактически доверяю свою жизнь пилоту. Так? А вот, например, я рождаюсь, я ведь уже принадлежу жизни. Считать ли это доверием? Нет?

Повисла пауза. И все мы думали об одном и том же. Скажи двум разным людям: «Доверяй жизни!» — они пойдут и сделают две прямо противоположные вещи. «Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания». Но как попасть внутрь этого микрокосма?! Как найти взаимопонимание?..

Все, что я могу сделать, это рассказать историю, — грустно улыбнулся Андрей. — Историю, которая для меня и есть смысл четвертой Скрижали. Я чувствую четвертую Скрижаль так же, как я чувствую эту историю.

«В древности жил великий император, — рассказывал Андрей. — У него было три сына. И к каждому из них он относился с любовью и нежностью, во всех он видел таланты и способности. Но время неумолимо. Император старел и ему нужно было назвать имя преемника. Кому из своих сыновей он доверит государство?»

Собравшись с духом, император призвал к себе мудреца.

„Что мне делать, мудрец? — спросил император. — Государство у меня одно. А сыновей — три, и каждого я люблю всем сердцем. Теперь я должен назвать имя преемника. Кому из сыновей отдать предпочтение?“

„О величайший из императоров! — ответил мудрец. — Ты знаешь это лучше меня, ведь это ты — император. Я могу предложить испытание для твоих сыновей. Но какое качество надлежит испытывать в будущем императоре, я не знаю“.

Император думал три дня и три ночи. На четвертый день он снова призвал к себе мудреца.

„Мудрец, — сказал ему император, — всю жизнь я собирал земли для своего государства. Теперь мне принадлежит половина мира. Кто из моих сыновей лучше продолжит дело своего отца, тот и будет следующим императором. Придумывай испытание!“

И через три дня мудрец сказал императору:

„У каждого из твоих сыновей есть просторный дворец. Выдели сыновьям по небольшой сумме денег и дай три недели сроку. Пусть они наполнят свои дворцы до отказа. Кто лучше справится с этой задачей, тому и быть императором“.

Император обрадовался. Это именно то испытание, которое нужно! Оно покажет, кто из сыновей императора продолжит дело отца наилучшим образом.

„Как идут дела?“ — спросил император у мудреца, когда на исходе была третья неделя испытания.

„Твой старший сын проявил рачительность, — ответил мудрец. — Он наполняет свой дворец мусором. Люди со всего города везут к нему всякий хлам и отходы. Дворец наполняется, а твой сын не истратил еще ни единой монеты!“

„Это хорошо. А что же средний сын?“ — спросил император.

„Средний сын проявил сообразительность, — ответил мудрец. — Он скупил все дешевое сено в близлежащих деревнях“.

„Это хорошо. А младший? Правда ли говорят, что он решил не соревноваться с братьями?“ — с тревогой спросил император.

„Твой младший сын, о величайший из императоров, ведет себя странно, — ответил ему мудрец. — Он раздал все имущество, которое было у него во дворце — всю утварь, мебель. А деньги, которые ты ему дал, он раздает нищим. Больше ничего неизвестно“.

И вот время вышло. Старый император отправился на осмотр сыновних дворцов. Но от дворца старшего сына доносился столь зловонный запах помоев, что император даже не смог подъехать к зданию. Слуги донесли, что дворец заполнен лишь на две трети.

„Лучше бы он был расточительным, — с горечью сказал император. — Не знания делают мудреца мудрым, и не земли делают империю великой. Если бы моя империя прирастала болотами и пустынями, чем бы она была?“

„Ты прав“, — согласился мудрец.

Из дворца среднего сына тоже несло неприятным запахом дешевого гниющего сена. Но император все-таки смог осмотреть покои и лично убедился — дворец был заполнен только наполовину. Среднему сыну не хватило отведенных денег.

„Лучше бы он не был сообразительным, — с болью в сердце сказал император. — Мудрец не тот, кто мудр. Мудрец — тот, кто знает свои возможности. Нельзя вступить в войну, имея лишь половину солдат“.

„Ты прав“, — согласился мудрец.

„Но что же мне теперь делать, мудрец?! — в отчаянии воскликнул император. — Что мне делать?! На кого я оставлю свое государство?!“

„Пойдем во дворец твоего младшего сына“, — сказал мудрец.

„Ты же знаешь, что это бессмысленно“, — сокрушался император.

„Мудрец не тот, кто находит ошибку. Мудрец — тот, кто видит правильное решение, — ответил мудрец. — Нужно идти до конца, император! Пойдем“.

Никогда на сердце у императора не было такой тяжести, как в тот миг, когда он подходил к дворцу младшего сына. Император прожил большую, славную победами жизнь. Но сейчас он понял, что вся его жизнь прожита зря. Ни один из его сыновей не оправдал ожиданий, и государство его погибнет.

Младший сын приветствовал императора на пороге своего дворца.

„Правда ли говорят, что ты раздал все свои вещи — мебель и утварь?“ — спросил его император.

„Правда, отец“, — ответил младший сын.

„Правда ли говорят, что ты раздал беднякам отведенные тебе деньги?“ — спросил император.

„Правда, отец. Лишь часть я истратил на свечи“, — ответил младший сын.

„На свечи?! — удивился император. — Зачем тебе свечи?!“

„Ты хотел, чтобы мой дом был до краев полон“, — юноша почтительно склонил перед императором голову и пропустил его во дворец,

Во дворце младшего сына императора не было ни одной вещи. Ни одной... Дворец казался совершенно пустым. Но только казался. Множество горящих свечей наполняли весь дворец светом... Пустой дворец был до

краев полон...

„Ты будешь императором лучшим, чем твой отец», — сквозь слезы сказал старик».

Мы с Данилой не могли вымолвить ни единого слова. Эта история говорила о четвертой Скрижали больше любых слов.

Побеждает тот, кто готов довериться миру. Дворцы всех трех сыновей с самого начала были наполнены жизнью. Но лишь один из юношей видел и понимал это. Свет — только метафора, а смысл — в твоём доверии к жизни и в твоих поступках.

Жизнь — это бесконечный дар. И ей нельзя не доверять. А страх — это проявление недоверия. Ведь своим страхом мы фактически говорим ей: «Я не уверен, что ты желаешь мне добра». А тот, кто предаёт Жизнь, просто не может чувствовать себя живым.

Четвертая Скрижаль рассказывает нам о Жизни. О том, что Жизнь — это великое сияние Света. И ты видишь это, когда начинаешь доверять самому себе, потому что Жизнь в тебе, Жизнь — она всегда рядом. Жизнь — это Свет, то, что никогда не предаст...

— Помните, я прочёл стихотворение Чжуан Цзы? — спросил вдруг Андрей. — На лекции, помните? Записка из зала...

— Да, я помню, — Данила с удивлением посмотрел на Андрея.

Андрей достал из сумки папку с бумагами.

— Вот она, — Андрей протянул Даниле небольшой листок бумаги.

— «Назначение рыбной блесны, — прочёл Данила, — поймать рыбу, а когда рыба поймана, блесна забыта. Назначение слов — сообщать идеи. Когда идеи восприняты, слова забываются. Где мне найти человека, позабывшего слова? Он — тот, с кем я хотел бы поговорить».

Дочитав стихотворение до конца, Данила поднял глаза и недоуменно уставился на Андрея.

— Дальше, дальше! Читайте дальше! — сказал он. — Подпись...

— «Митя-Бабочка», — прочитал Данила.

— Узнаете почерк? — улыбнулся Андрей.

В моей голове промелькнула шальная мысль. Не веря своей догадке, я тут же посмотрел на записку. Это был Митин почерк! Как в его дневнике. Невозможно перепутать!

— Он был на лекции?! — воскликнул я. — Сначала Илья, потом Катя, Аня, Максим... Теперь — Митя! Не может быть!

— Вообще, это мне нужно было бы удивляться! — рассмеялся Андрей. — На самом деле, я был очень тронут этой запиской. Ведь когда мы с Митей прощались, я ему рассказал историю про бабочку. Помните: «то ли Чжоу снилось, что он — бабочка, то ли бабочке снится сейчас, что она — Чжоу». Это как раз Чжуан Цзы. И вот Митя присылает мне эту записку...

— «Ищете человека? Так от кого же вы бежите?» — прошептал я.

— Именно, именно! — улыбнулся Андрей.

— А почему бабочка? — спросил вдруг Данила. — Я все думал, почему он всякий раз искал в окружающем мире бабочку. Зоя Петровна говорила, что он во время каждой госпитализации говорил что-то о бабочках. В этом есть какой-то смысл?

Андрей развел руками и ответил:

— Я не могу знать этого точно, но бабочка — это символ души. Один из древнейших символов. Древние греки так изображали человеческую душу. И это как раз то, что я рассказывал вам о «проекции». Митя искал в окружающем мире свою душу, свою *бабочку*. Последователи Юнга назвали бы это «символическим поиском в коллективном бессознательном». Но... В общем, только такое есть объяснение.

— И все же, что это может значить? — подумал я в слух. — Сейчас наши судьбы сами собой пересекаются со всеми Избранными...

— Хороший знак, — улыбнулся Андрей. По липу Данилы пробежала тень.

— Ой ли, — протянул он.

— Тебе тоже так кажется? — я был поражен. Неужели Данила тоже подумал об этом?!

— Вы это о чем? — Андрей недоуменно посмотрел на нас.

— «Вы способны менять линии судеб. Но я хочу, чтобы вы поняли это: законы Кармы никто не отменял», — ответил Данила.

— «Этот мир ждет своей смерти. Не пытайтесь говорить с ним прежде, чем будете знать, как», — добавил я.

— Что-то знакомое? — попытался вспомнить Андрей. — Ах да! Индус из «Маленькой принцессы». Постойте... Вы это серьезно?!

ПЯТАЯ СКРИЖАЛЬ

Во время последней беседы с индусом, которая частично вошла в «Эпилог» книги «Маленькая принцесса», он очень неоднозначно отозвался о перспективах, открывающихся перед нами после того, как мы найдем все семь Скрижалей Завета. «Если, конечно, это произойдет...» — постоянно добавлял он.

Почетный председатель Всемирной Академии Астрального Знания, как нам его представила Кассандра, не сказал ничего конкретного или определенного. Но из его слов следовало, что собранные воедино Скрижали сами по себе не победят ни «Зло», ни «Тьму». Напротив, они спровоцируют Его.

В России говорят, что ночь темнее всего перед рассветом. И сейчас все «положительные знаки» вдруг

стали восприниматься и мною, и Данилой как предвестники грядущих несчастий. То, что мы встретили Андрея, было для нас важным событием. Но мистическое появление вокруг нас Избранных — всех, одного за другим, не обрадовало, а почему-то испугало нас.

— Но это-то вы придумали, — усмехнулся Андрей. — Ну, признайтесь... ВАЗ. Или, как его там?.. ВААЗ. Это уж точно перебор. Это не может быть правдой.

— Не придумали, — спокойно ответил Данила.

— Это было на самом деле! — подтвердил я.

— То есть вы хотите сказать, что вы реально видели людей, которые сидят в своих «миссиях» и управляют оттуда всем миром?.. — Андрей не верил своим ушам. — Что-то мне даже как-то не по себе стало.

— У нас у всех могут быть самые разные объяснения происходящего, — тихо сказал Данила. — Но я действительно встречал тех людей, которые говорили мне, что я должен найти Скрижали: женщину-астролога, православных старцев, загадочного суфия, настоятеля буддийского монастыря. И потом мы, на самом деле, говорили с этим загадочным Советом и его председателем.

Андрей внимательно смотрел на Данилу и словно спрашивал самого себя: «Могу я поверить в это? Должен ли?..»

— Андрей, — сказал я, — есть еще одна очень важная вещь. Может быть, ты помнишь, как индус говорил: «Только мы, поскольку мы действуем не во имя Добра, а просто следуем безликому Закону Кармы, способны работать сообща». Они — этот Совет — срединный полюс. Он занял выжидательную позицию. А противостояние сил Света и Тьмы идет, и это происходит прямо сейчас. Это правда.

— То есть вы утверждаете, что есть еще и некие силы «Тьмы», воплощенные в ком-то или в чем-то? — Андрей недоверчиво смерил меня взглядом.

— Анхель в этом уверен, — сказал Данила. — Я не уверен. Точнее, не на сто процентов уверен.

— Мы не стали об этом писать в «Маленькой принцессе». — Я решил сказать Андрею всю правду, посмотрел на Данилу и он кивком головы одобрил мое решение. — Просто подумали, что не нужно... В общем, индус вскользь заметил, что когда мы найдем все семь Скрижалей, Тьма усилится по принципу противовеса...

Андрей продолжал пребывать в некоторой растерянности. Он достал из стопки книг «Маленькую принцессу» и стал машинально листать. В какой-то момент он остановился и прочел:

«— Мы знаем все, что происходило и происходит, — ответил индус. — Но мы не знаем будущего. Вы, Анхель, написали в своей книге об „эффекте бабочки“. Тысячи нитей прошлого создают ткань будущего. Но рисунок, которым ложатся эти нити, неизвестен до последнего момента, до момента сейчас. Поэтому будущее неизвестно никому».

— Может быть, поменяем будущее? — пошутил Андрей. — Закончим рассказ на этом — и все?

— И что — все? — улыбнулся в ответ Данила. — Похоже, все только начинается...

Андреи зачитал отрывок из «Маленькой принцессы». Ту часть, где Валерий рассказывал нам о том, как он ходил к врачу лечиться от депрессии.

«Он сказал, — рассказывал тогда Валерий про Андрея, — что я никого не люблю. Это ужасно, но это правда. У тех, кто по-настоящему любит, не может быть депрессии. Депрессия возникает только у тех, кто заиклен на себе. А любящий думает о другом человеке, о том, кого он любит. И даже если любимому человеку плохо, у него не опустятся руки и не будет депрессии. Ему не до слез...»

Библиотека "неПУТЬёвого сайта" Вишнякова Андрея - <http://ki-moscow.narod.ru>

И я вспомнил Машу, вспомнил эту маленькую девочку, которая хотела умереть, чтобы освободить своих родителей, избавить их от необходимости лгать самим себе. В ее голове звучали их мысли. Она понимала, что ее родители живут друг с другом из-за своего страха перед будущим, а вовсе не потому, что они заботятся о своей дочери. Ребенок, жертвующий собой ради правды, ради родителей...

— Все, что касается врача из этой истории, рассказанной Валерием, все так и было, — сказал Андрей. — Все, что вы рассказали, насколько я понимаю, тоже правда.

— Да, — сказал Данила.

— И именно об этом я говорил Мите, — попыток Андрей. — «Правда — она правда. От нее не уйдешь. Если ты, например, кого-то любишь — то любишь. Если не любишь — то не любишь. Если себя обманывать и жить с тем, кого не любишь, — будет мука. Вот это ужасно. А так, что в человеке может быть ужасного? Все, что в нем есть, — это факт. Нужно только правильно с ним обойтись...»

— Все твои критерии тут есть, — Данила посмотрел на Андрея так, словно и не ждал ничего более.

— Тогда я просто расскажу историю, — предложил Андрей. — Я помню, что в свое время она произвела на меня очень сильное впечатление.

— Пятая Скрижаль, — улыбнулся Данила. — Не может быть иначе...

— Человек, о котором рассказывают эту историю, — один из величайших мудрецов, — говорил Андрей. — Его звали Руми. Если бы это произошло с кем-то другим, то, наверное, я бы не почувствовал того, что я чувствую, когда понимаю, о какой личности идет речь. Восхищение вызывает то, что это поступок *святого*.

Однажды к Руми пришла женщина, жившая по соседству. Она привела к мудрецу своего маленького сына.

«Я не знаю, что мне делать, Руми, — сказала она. — Я испробовала уже все способы, но ребенок меня не слушается. Он ест слишком много сахара! Пожалуйста, скажите Вы ему, что это нехорошо. Он Вас послушается, потому что очень уважает».

Руми посмотрел на ребенка, на доверие в его глазах, и сказал: «Приходите через три недели».

Женщина была в полном недоумении. Это же такая простая вещь! Почему этот просветленный человек просто не сказал ее сыну, что не нужно есть столько сахара?! Непонятно... Люди приходили к Руми из дальних

стран, и он помогал решать куда более серьезные проблемы сразу.

Но что делать — она послушно пришла через три недели. Руми вновь посмотрел на ребенка и сказал: «Приходите еще через три недели».

Тут женщина не выдержала и осмелилась спросить, в чем дело. Но Руми лишь повторил сказанное.

Когда они пришли в третий раз, Руми сказал мальчику: «Сынок, послушай мой совет, не ешь много сахара, это вредно для здоровья».

«Раз Вы мне советуете, — ответил мальчик, — я больше не буду этого делать».

После этого мать попросила ребенка подождать ее на улице. Когда он вышел, она спросила у Руми, почему он не сделал этого в первый же раз, ведь это так просто...

И Руми признался ей, что сам всегда любил есть сахар, и, прежде чем давать такой совет, ему пришлось самому избавляться от этой слабости. Сначала он решил, что трех недель будет достаточно, но ошибся...

Святой человек, прославившийся своей мудростью и духовной силой, шесть недель отучал себя есть сладкое, чтобы просто иметь право сказать мальчику: «Сынок, не ешь много сахара, это вредно для здоровья». Об этой правде идет речь в пятой Скрижали?

— Да, — мы с Данилой сказали это одновременно.

Андрей улыбнулся и посмотрел на свою схему.

— И вот я вижу пять целей, — сказал он. — Первое — нужно понять, что тебя нет. Парадоксально, но это так. Все, что мы пытаемся защищать в себе, — иллюзия. Истинный «ты» — это Аркан Дурак в колоде Таро, абсолютная пустота. Как сказал Гаптен: «Мудрый — это тот, кто принимает жизнь. А принимает — пустота, чистота, открытость».

Второе. Наше чувство одиночества в этом мире ошибочно. Если ты чувствуешь себя одиноким, это значит, что ты сам закрыт для других. Хотя иногда кажется, что это они закрыты и не пускают тебя в свой мир. Это иллюзия. Когда ты отказываешься от себя, ты видишь, что вокруг другие миры. Это сущности других людей, и они прекрасны.

Третье. Отказавшись от своего «эго» и увидев вокруг Других, ты совершаешь выбор. Ты выбираешь свою жизнь, свой путь. Ты можешь выбрать жизнь, полную страданий. Ты можешь выбрать дорогу к счастью. Впрочем, и то, и другое — только иллюзия. И только в тот миг, когда ты понимаешь это, истинное счастье принимает тебя.

Четвертое. Оно вытекает из третьего, как первое из второго. Ощувив себя истинно Живым, ты должен довериться потоку Жизни. Но довериться Жизни — это не значит плыть по течению. Довериться — это значит совершать поступки. А это возможно только в одном случае — если ты доверяешь самому себе и можешь опираться на себя.

Что ж, мы прошли своеобразный круг. Мы отказались от своего «эго» и словно в награду увидели вокруг себя Других. Мы отказались от счастья — и ощутили вокруг себя поток Жизни, которому теперь мы смогли довериться. Доверившись ему, мы обрели себя заново. Мы умерли, чтобы воскреснуть, и воскресли. Что же дальше?.. А дальше — пятое.

Совершенствуй себя — вот что говорит нам пятая Скрижаль. Но это возможно лишь при условии достижения четырех предыдущих целей. Ведь совершенствовать «эго» — это безумие. Совершенствовать свое одиночество — ад. Совершенствоваться, не видя иллюзорности выбора, — ошибка. Совершенствоваться, не доверяя Жизни, — абсурд.

Если ты постиг своим существом первые четыре скрижали, ты впервые можешь быть по-настоящему честным с самим собой. Такова *правда*...

ШЕСТАЯ СКРИЖАЛЬ

Но что значит «совершенствоваться»? — продолжал Андрей. — Кажется, что человеку, достигшему целей, описанных в четырех первых Скрижалях, дальше просто некуда расти. Но это заблуждение... Ведь у нас еще, как минимум, две Скрижали!

Андрей сказал это своим шутливым тоном, который предвещал всю степень серьезности, которую только можно себе представить.

— Указание на шестую Скрижаль мы находим уже в «Маленькой принцессе», — Андрей взял в руки книгу. — Помните, тот разговор — в машине Гаптена?.. Данила тогда признался, что не ощущает себя Избранным, не чувствует в себе необходимой силы, вдохновения.

«Трудно сказать себе: „Знаешь, дружище, а ты ведь Избранный! На твою долю выпала ответственная работа. И никто в целом мире, не сделает ее за тебя. Тебе будут помогать, за тебя будут болеть. Но сделать ее ты должен сам, потому что Избранный — ты“. Трудно себе это сказать».

Анхель и Гаптен тогда удивились: «Как так?! Это же очевидно!» У вас-то не было никаких сомнений: «Данила — Избранный! И никак иначе!» Но одно дело — думать *так* о ком-то, и другое дело, думать так о себе. О другом — легко. О себе — почти невозможно.

Если ты Избранный, значит, на тебе ответственность, от тебя все зависит. И ты не только за себя отвечаешь, ты за всех отвечаешь. Ты играешь, а они болеют, сидя на трибунах. И если ты проиграешь — ты сам виноват, а если выиграешь — это ваша «общая победа».

Почему христианское учение имело такой успех? Оно уверяло, что есть Тот, кто взял на Себя *бремя*. Остальные могут ни о чем не беспокоиться. И довольная паства расположилась на трибунах... Но что это, если не предательство? Самого себя. Ведь это *твоя* жизнь, *твоя* душа, *твой* Свет.

И Данила сказал тогда: «Дело не в том, что я — Избранный, а кто-то другой — не Избранный. Это

каждого касается!» Потому что каждый Избранный, да и зачет по последнему.

— «Зачет по последнему»? — не понял я, — Что это значит?

Данила улыбнулся и объяснил:

— Это, Анхель, в армии есть такая штука. Солдат тренируют, чтобы они могли выдерживать нагрузки. И солдаты сдают экзамены — каждый сам за себя. Пока не сдашь, будешь тренироваться по полной программе — день и ночь. Но есть один особенный экзамен, который сдают всем взводом или отделением. Обычно это марш-бросок — несколько километров, в полном военном обмундировании, с оружием, противогазами, по жаре или в дождь, по болотам, по пересеченной местности.

— Ив чем различие между этими экзаменами?

— Очень просто, Анхель, — пожал плечами Данила. — Если идет «зачет по последнему», то секундомер выключается только в тот момент, когда финишную черту пересекает последний из стартовавших. Поэтому ты можешь бежать лучше всех, впереди всех, быстрее всех, быть первым. Но... твой результат — это результат самого слабого твоего товарища. По нему зачет. По последнему.

— Да, и поэтому самые сильные, быстрые, выносливые не бегут на этом экзамене впереди всех, — добавил Андрей.

— А что же они делают? — не сообразил я.

— Они несут на себе тех, кто выбился из сил, — ответил Андрей. — Никто не может выбыть из строя. Зачет по последнему.

Это прозвучало так просто, так буднично, но для меня — словно настоящее откровение. «Зачет по последнему» — неважно кто ты, неважно, что ты можешь, а чего нет, ты отвечаешь и за себя и за всех. И так — каждый.

— Ааа, — протянул я и вдруг понял, что потерял нить разговора. — Андрей, а почему ты об этом вспомнил?

— Почему я об этом вспомнил? — Андрей выглядел задумчивым. — Потому что я вспомнил о бодхисатвах.

— О бодхисатвах? О буддийских просветленных?

— О Буддах? — с подвохом в голосе переспросил Андрей.

— Ну, да. О Буддах...

— А почему тогда их зовут бодхисатвами, а не Буддами? — улыбнулся Андрей.

— Ну, потому что Будды — это просто просветленные, — принялся объяснять я, чувствуя, что не до конца понимаю эту разницу. — А бодхисатвы... Бодхисатвы — это реинкарнации просветленных.

— В самом общем виде это действительно так, — согласился Андрей и стал рассказывать нам о буддизме — просто, весело и, как всегда, очень точно.

Как, согласно буддийской доктрине, устроен мир? Существует временное, проходящее, не имеющее подлинной ценности — это Майя. Майя — это то, что мы обычно называем «миром» или «земной жизнью». Истинное же никак не связано с Майей. Истинное — это Нирвана, и это не просто внутреннее состояние человека, это иная реальность.

Многие связывают свои надежды на счастье с теми изменениями, которые произойдут в Майе. «Когда-нибудь жить станет лучше, потому что наука и технологии защитят нас от всех горестей и страданий», — говорят они и даже не пытаются меняться внутренне. Другие пытаются это делать, но еще не стремятся к истинному.

Буддизм говорит: и то, и другое — утопия. Даже если в окружающем мире не будет поводов для страданий, люди не перестанут страдать. И даже внутренние изменения недостаточны. Ведь если душа пребывает в Майе, она и радуется, и страдает. Эти чувства связаны — на каждую толику счастья приходится пригоршня страдания.

Поэтому буддизм говорит о третьем пути. В чем он заключается? Изначально души всех живых существ принадлежат Нирване — иной реальности. Но пока душа не осознает этого, пока не пробудится, она возвращается в Майю. Рождение, смерть и новое воплощение — это круги Сансары, где действует непреложный Закон Кармы.

— Майя, Сансара и Карма — это одного поля ягоды, — пошутил Андрей. — А Нирвана — Она не с поля, Она с неба! И вот к чему я все это рассказываю... Бодхисатва — это пробужденная душа, то есть душа, вырвавшаяся из Майи и кругов Сансары, душа, стоящая над непреложным Законом Кармы, душа, пребывающая в Нирване. Ну счастье! Счастье! И вот она зачем-то возвращается в Майю! Какого черта?! Зачем?!

Я даже как-то опешил от внезапности этого вопроса:

— Зачем?

— Потому что Нирвана может быть только целостной! Каждое чувствующее существо принадлежит Целому, и поэтому не может быть никакого истинного блаженства, пока все не достигнут Другого Берега. И путь *каждого* существа, *каждой* души не пройден до конца, пока *другие души* не знают Света, пока они не пробудятся, не попадут в Нирвану, пока они не станут Буддами. Зачет по последнему!

— И бодхисатва — он что, как проводник? — догадался Данила.

— Да! — подтвердил Андрей. — Бодхисатва — это пробужденная душа, которая добровольно отказывается от радостей нирванического состояния, от блаженства, и возвращается на круги Сансары. Этот поступок называют «Великим Самоотречением Бодхисатвы». Бодхисатва оставляет наслаждение, чтобы помочь другим существам достичь Нирваны, стать Буддами. Он помогает им, и одновременно с этим он помогает самому себе. Он не жертва, как Христос в христианстве. Просто нельзя быть счастливым, когда кто-то несчастен. И радея за другого, ты, на самом деле, радеешь за самого себя.

И тут я наконец понял, о чем идет речь! Более того, я вдруг осознал сущность шестой Скрижали. Да, мне

казалось, что я знал ее и раньше, когда писал «Исповедь Люцифера». Но теперь, когда я услышал скупого рассказ Данилы об этом «зачете по последнему», эти объяснения Андрея о «Великом Самоотречении Бодхисатвы», все вдруг встало на свои места.

— То, что я прочел в «Исповеди Люцифера», по-моему, притча, — Андрей тем временем продолжал свой рассказ. — Это притча о девушке, которая повстречалась с ангелом. Самым прекрасным из самых прекрасных ангелов, но, правда, падшим. Проще говоря — Дьяволом.

Религии говорят, что нужно победить в себе страждущего, избавиться от желаний, стать чистым. Этот ангел был избавлен от всех желаний. Он перестал *желать*, когда понял, что любое его желание может быть исполнено. Если у тебя все есть, тебе ничего не хочется. Но с этим откровением к нему пришло и другое. Он вдруг ощутил невыносимую тоску. Ему теперь незачем было жить.

Люди живут, движимые своими желаниями. Без желаний нет жизни. Все, что они делают, они делают ради определенных, желанных целей. Они хотят удовольствий, любви, знаний, денег, славы. И им кажется, что в их жизни есть смысл. Но какой? Ответа нет. Есть лишь желания, и это дает человеку силы жить. Не будет этих желаний...

И поэтому Дьявол стал искать смерти... пока не повстречал одну девушку.

«Ты должен жить, ведь я люблю тебя», — сказала Дьяволу девушка.

«Что с того? — ответил он. — Любовь — пустышка. В ней нет никакого смысла. Влюбляясь, человек мечтает о вечности, а жаждет скорого завершения — удовлетворения желания, разрядки. Вот почему все красивые истории заканчиваются в тот миг, когда возлюбленным предоставляется возможность вдоволь насладиться друг другом».

Девушка заплакала и ушла. Ночью ей приснился кошмар. Ей снилось, что она разочаровалась в своем возлюбленном. Но если она разочаровалась, разве она любила?..

Она проснулась в холодном поту и поняла, сколько мук пережил ее возлюбленный. Многие девушки влюблялись в него, но ни одна из них по-настоящему не любила.

«Да, любовь эгоистична, — согласилась девушка. — И она быстро проходит. Возможно, она превратится в дружбу или душевную близость. Но любовью она больше не будет. Это правда».

«Тогда почему я должен жить для тебя? — Дьявол повел изогнутой бровью. — Не ради же твоего мимолетного удовольствия!»

«Ты должен жить, потому что благодаря тебе моя жизнь наполняется смыслом, — сказала девушка. — Я понимаю тебя. Я смотрю в твое сердце, и я вижу в нем Свет. Ты хочешь выглядеть страшным и злым. Но я живу твоим Светом, и ты не сможешь скрыть Его от меня».

Дьявол горько усмехнулся и повернулся к девушке спиной. Он не хотел, чтобы она видела его слезы.

«Что с того? — сказал он. — Если долго смотреть в бездну, ты почувствуешь, что она тебя манит. Кто сказал, что это хорошо?»

И девушка опять ушла, а ночью ей снова приснился кошмар. Она стояла на краю гигантской расщелины и смотрела вниз. Казалось, эта пропасть уходит в бесконечность.

Но там, в глубине, кто-то был. Девушка физически ощущала его дыхание. Странная, непреодолимая тяга возникла в ней. Еще секунда — и она бросилась бы в эту пропасть.

И в самый последний миг, она вдруг словно что-то почувствовала, подняла голову, и... над ней было небо. Прозрачно-голубое, высокое-высокое небо!

«Нет, я не чувствую отчаяния, любимый, — сказала она Дьяволу на следующий день. — Я вижу твою бездну, но я вижу и мир вокруг. Да, он больше, чем мое чувство к тебе. Больше, потому что всегда есть что-то большее. Но мое чувство — это то лучшее, что есть в нем!»

«Но зачем мне жить?! — закричал Дьявол. — Я не хочу жить для кого-то!»

«А ты живешь не для кого-то», — ответила девушка и улыбнулась.

«Как?!» — удивился Дьявол.

«Просто ты нужен, — ее лицо оставалось спокойным, а глаза лучились, словно рассветное солнце. — Ты просто должен это осознать — ты нужен. Ты нужен. И все».

«Это говорит твое тело?» — Дьявол внимательно посмотрел в глаза девушке.

«Нет», — ответила она.

«Это говорит твое сознание?» — переспросил он.

«Нет», — снова сказала девушка.

«Тогда это дух говорит в тебе», — решил Дьявол.

«Нет», — в третий раз ответила девушка.

«Но что же тогда?!» — удивился он.

«Ты», — улыбнувшись, ответила девушка.

И после этих слов она обняла Дьявола, а бодхисатва (а это был именно бодхисатва — ангел, вернувшийся в мир, чтобы пробуждать людей) прошептал ее душе: «Я приходил, чтобы ты проснулась. Теперь мы принадлежим единому целому. Навсегда».

«Найди для меня смысл жизни — спаси себя», — проговорил Данила словно сквозь сон.

— Что? — встрепнулся Андрей. — Я не расслышал...

— Это из книги, — объяснил Данила. — Из «Исповеди Люцифера». 6322 почти в самом конце говорит Саше: «Найди для *меня* смысл жизни. Спаси себя». Его смысл жизни — спасти Сашу.

Я смотрел на Данилу и думал — понимает ли он, что это и *его* смысл жизни? Что и он спасает людей, вырывая их крута Сансары, из Майи? Понимает ли Данила, что он бодхисатва?! И тут же мне вспомнился самый

последний разговор Саши с Андреем. Заочный разговор, когда Саша уже находилась в горячке. Тогда Андрей сказал ей:

«Разумеется, мы не можем доподлинно знать, каково именно наше предназначение. Но что с того?! Да, Бог не высылает инструкции. Было бы даже глупо, если бы Он стал перед нами отчитываться! Просто мы должны помнить, что оно — это предназначение — у нас есть. И помни, Саша, вопрос не в том, что тебе нужно. Дело в том, что ты нужна. Осмысли не случайность, а необходимость себя, и тогда все в твоей жизни встанет на свои места.»

— Ну да! — воскликнул Андрей. — Он же у вас бодхисатва! «Найди для меня смысл жизни — спаси себя» — звучит как парадокс, но ведь в самую точку! Спасая себя, Саша делает приход 63-22 в этот мир небес-смысленным. Каждая душа, откликнувшаяся на призыв бодхисатвы к пробуждению, в первую очередь оказывает услугу самому бодхисатве. Хотя, конечно, объективно повезло этой душе...

Мишель Монтень хорошо объясняет этот парадокс на примере дружбы. Он говорит, что друг не может ждать от друга благодарности. Не «не должен», а именно «не может». Потому что возможность сделать другу или любимому человеку приятное, помочь ему — это само по себе счастье. Представьте, что вы любите кого-то, он нуждается в помощи, а вы не можете ему помочь. Как бы вы себя чувствовали?..

Вот Монтень и говорил, что любой дар в дружбе, да и в любви, я думаю, это взаимная штука. Когда вы дарите, вы радуетесь тому, что радуете. А когда вам дарят, вы.. вы тоже радуетесь, потому что радуете.

— И это очень важно знать, что ты следуешь своему предназначению, — сказал вдруг Данила. — Просто понять — то, что ты делаешь, это важно. Только вот это трудно.

Андрей посмотрел на Данилу с сердечностью и сочувствием, как будто ощутив его боль и растерянность. Затем взял Данилу за плечо и сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Именно поэтому шестая Скрижаль и говорит, как я думаю, о важности осознания своего присутствия в мире. Просто понять этот факт — ты не случаен, ты нужен этому миру. Ты или пришел, чтобы пробуждать, или пришел, чтобы пробудиться. В любом случае — ты при деле!

За окном сгрудились тучи. Небо готовилось разразиться грозным дождем. Сумрачно. Но слова Андрея прозвучали настолько светло, что казалось, нет ни этих туч, ни даже Тьмы, а лишь солнце и люди, осознающие свою причастность к Свету.

— И кстати, вы это здорово придумали! — Андрей обратился ко мне. — Хорошая идея: символически изобразить внутреннюю красоту главного героя физической привлекательностью: «Абсолютно голый, абсолютно... красивый». Замечательная находка!

Мы с Данилой уставились на Андрея, как Два барана на одни новые ворота.

— Не придумали, — сказали мы хором.

— Не придумали, — недоуменно, почти по слогам, повторил за нами Андрей. — Да, но...

— Но ты не можешь думать, что мы это придумали, - чуть не закричал я, - твоя же ученица! Ты же хорошо ее знаешь! Ты можешь у нее спросить! Почему «придумали»?!

— Но ведь она сама... Как это сказать?.. «Старая душа», — все с тем же недоумением ответил Андрей. — Это в ней произошло. В ней самой! Это же так очевидно... Мозг во сне обрабатывает информацию. Он выделяет главное, группирует отдельные информационные блоки. Но он это не тупо делает, он идет к определенной цели, к некой развязке, которую он уже предчувствует.

Поэтому все, что человек видит во сне, уже есть в его мозге. Только сам человек этого не осознает. А спящий мозг выходит из-под контроля сознания и складывает части истины в единое целое. Это самое сложное — увидеть картинку в отдельных, разомкнутых пазлах. Тут наитие нужно, тут логика не срабатывает. Часто именно поэтому только во сне все и складывается.

— Постой! — воскликнул я. — Нет...

Шальная мысль буквально выстрелила в моей голове. Я хотел сразу же ее высказать, но решил проверить, убедиться. Вдруг это мне пригрезилось? Я схватил «Всю жизнь ты ждала» и начал судорожно листать, пока не накнулся на слова Андрея, на то его интервью, которое он давал журналистке, сидя в кафе. Все так и есть...

— Андрей, ты помнишь, о чем вы тогда беседовали с той молодой журналисткой? — спросил я.

— Да, в общих чертах, — Андрей кивнул головой в знак согласия. — А почему ты об этом заговорил?

— Просто ты ей тогда рассказал о всех Скрижалях! — закричал я. — Посмотри сам! И про отказ от своего «эго», и про Другого, и про иллюзии, и про доверие к жизни, и про правду! И шестая Скрижаль есть — когда вы рассказываете ей про предназначение. О том, что у каждого из нас свои задания, и все по-разному их исполняют, но «конечный результат — он один на всех»...

Андрей взял книгу и просмотрел эти страницы. Данила сидел как в воду опущенный. Он потирал голову и что-то беззвучно бубнил себе под нос.

— Да, Анхель, похоже на то, — согласился Андрей и пожал плечами.

По его реакции я понял, что Андрею показалось это забавным. А я за эти две-три минуты чуть с ума не сошел! Мы все это время искали истины, которые были озвучены Андреем еще до того, как нашли хотя бы одну скрижаль!

— Только есть, как минимум, три «но», — Андрей посмотрел мне прямо в глаза. — Во-первых, как мы могли знать, что все перечисленное мною — цели? Во-вторых, здесь нет той логической связи, которую мы получили, благодаря последовательности Скрижалей. И наконец, в-третьих, там нет седьмой Скрижали...

— И все-таки, даже я не могу понять, как это все умещается у тебя в голове... — услышали мы задумчивый голос Данилы,

Все это время, как оказалось, Данила думал о чем-то своем.

— Что уместается? — растерялся Андрей.

— Ну, например, эти «старые души» и наука — теория сна, мозга... Потом вот, ты же неверующий, а так о буддизме рассказываешь, что в него не то что не поверить, в него не влюбиться после этого нельзя!

— Странно, правда? — Андрей улыбнулся, встал и прошелся по комнате. — И я думаю, что странно. Теперь вы понимаете, о чем седьмая Скрижаль?..

— Седьмая Скрижаль?! — переспросил Данила. — Уже?..

— Нет, похоже, надо сделать вам кофе, — Андрей смерил нас сочувственным взглядом, улыбнулся и отправился к плите.

СЕДЬМАЯ СКРИЖАЛЬ

За окном началась гроза. Небо содрогалось от раскатов грома. Дождь лил с такой силой, что, казалось, он выбьет стекла. Я чувствовал, что мы подошли к самой важной части нашего разговора.

— Ну что, есть ошибки? — спросил Андрей. — Все правильно в первых шести Скрижалях?

— Все правильно, — уверенно ответил Данила. — Ошибок нет.

— О седьмой Скрижали я знаю не больше, чем о первых шести, — сказал Андрей и пожал плечами. — То есть я не знаю ее текста, я знаю только ее *суть*. На это указывают выявленные закономерности. До сего момента они нас не подводили. Надеюсь, не подведут и сейчас.

— Я всегда чувствовал Избранных, — сказал на это Данила, и его голос смешался с громовыми раскатами.

— И я вряд ли ошибаюсь сейчас. Я думаю, что Скрижаль в тебе, Андрей.

Я посмотрел на Данилу. У него были видения?! Почему он не говорил мне об этом?

Данила словно почувствовал мой вопрос.

— Андрей, я не видел тебя в видениях, — сказал Данила. — Но видения никогда и не были одинаковыми, каждый раз я ощущал Избранных как-то по особенному. Сейчас, когда ты, рассказывая, подходил к сути каждой из Скрижалей, у меня было странное чувство. Мне трудно описать его словами, словно бы невесомость. И это ощущение теперь усиливается. Ты должен знать седьмую Скрижаль. Я в этом уверен.

— Мне бы вашу уверенность, господи! — в глазах Андрея я прочел и печаль, и решимость. — Ну, хорошо, Анхель, какое бы «Предисловие» ты написал к этой книге?

— К этой — это к какой?

— Ну, о седьмой Скрижали... — объяснил Андрей.

Я задумался. А Данила вдруг рассмеялся.

— Данила, чего ты смеешься? — не понял я.

— Просто смешно, — ответил Данила, на его лице сияла улыбка. — Сейчас Андрей выудит седьмую Скрижаль из тебя!

— Данила, не сбивай его с мысли! — улыбнулся Андрей. — Так какое будет «Предисловие»?

— «Предисловие»... — протянул я, — «Предисловие» будет о том, как мы с Данилой попали на твою лекцию.

— Очень хорошо! — поддержал меня Андрей. — О чем была лекция?

— О том, что наше сознание не совершенно, — начал перечислять я. — О том, что несовершенное сознание не способно уловить истину, потому что истина огромна и многогранна, а сознание ее уплощает. Чтобы постичь истину, недостаточно видеть ее с разных сторон — ее нужно видеть целиком...

— Целое есть нечто большее, нежели простая совокупность его частей, — добавил Данила.

— Да, — я мотнул головой. — И еще, наверное, о том, что люди пытаются общаться друг с другом с помощью слов. Но слова — ничто, если нет понимания сути, которую с помощью слов не перескажешь.

— Замечательно! — Андрей необыкновенно воодушевился. — Теперь, Анхель, расскажи нам, пожалуйста, о главном герое этой книги. Только честно, как будто меня здесь нет. Свое мнение...

— Свое мнение... — повторил я и смутился, понимая, что мне сейчас придется описывать Андрея в его же присутствии. — Хорошо. Мое мнение, что это очень умный человек...

— Спасибо, — прервал меня Андрей и улыбнулся. — Теперь по существу... Ладно?

Черт возьми, вместо того, чтобы помочь, он еще сильнее меня смущает!

— Я *думаю*, — вырвалось у меня, — что это очень странный человек!

— Ив чем его странность?! — Андрей хитро повел глазами.

— Его странность в том, что он видит все с разных сторон, а воедино собрать не может! — чуть не закричал я. — Он говорит: «Я ученый, но с точки зрения религии...», «Я неверующий, но с общечеловеческой точки зрения...»

— Супер! — Андрей добродушно рассмеялся. — Точно как говорит! Да, Данила?

— Да! — подхватил Данила.

Я опешил. Андрей спровоцировал меня, а я и не заметил этого! Он понял, что чувство моего уважения к нему не позволит мне быть откровенным. И он просто выбил из меня искренний ответ. Как «ученый». Все прочитано.

— А теперь смотрим Откровение Иоанна Богослова, послание седьмому Ангелу. Ангелу Лаодикийской церкви. Эти эпиграфы есть во всех книгах — во «Всю жизнь ты ждала», «Возьми с собой плоть», «Учителе танцев», в каждой книге. И это не просто эпиграфы, это всегда почти обращение к тому, в ком скрыта Скрижаль. Даже если это не очевидно на первый взгляд, это так.

— Это так, — подтвердил Данила.

— И что же говорят мне? Если я — это в самом деле он. То есть тот, кого вы ищите. Мне говорят: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мной». Я должен почувствовать, что истина стоит на пороге моего дома и стучится в дверь. Но я смогу почувствовать ее, только если изменится мое сознание. Замкнутый круг. Мое сознание должно измениться...

— Должно! — выпалил я.

— Но только ли мое?.. — Андрей снова посмотрел на меня тем же хитрым и одновременно добродушным взглядом.

И во мне вдруг словно что-то щелкнуло! Я сержусь на Андрея за то, что он думает, как ученый. Я сержусь и на Данилу — за то, что он не осознает реальности Света и Тьмы, как осознаю ее я. Но я сержусь не на них, а на их «точку сборки». Это нелепо!

С другой стороны, и они имеют полное право сомневаться в моем видении! Почему они должны верить тому, как я вижу мир, а не своим глазам, своему сознанию? Да, конечно, должно измениться сознание — мое, Данилы, Андрея!

— Сознание должно измениться... — прошептал я. Нашли шесть Скрижалей, — Андрей разлил по чашкам кофе и продолжил. — Заключенные в них истины, действительно, похожи на этапы Пути. Но можем ли мы не просто понять их — например, так, как я о них рассказывал, а сделать эти истины частью себя?

Когда вы внезапно видите под собой обрыв, вы не думаете: «А тут высоко... Я могу упасть. Если я упаду, то разобьюсь и умру. Мне страшно!» Нет, вы просто видите под ногами пропасть и пугаетесь. Потому что страх высоты — генетический, он в нас.

Но электричество, например, не менее опасно, чем высота. И все же, чтобы аккуратно обращаться с розеткой и проводами, мы должны дать себе инструкцию: «Осторожно! Это может быть опасно!» Потому что страх электричества — выученный, искусственный.

Сидя рядом с розеткой, вы не станете паниковать. Вероятно, вы даже не заметите ее, а если она вам понадобится, будете долго искать. Но вот сидя рядом с обрывом, на высоте, над пропастью, вы будете постоянно ощущать ее присутствие.

Так и с истиной. Она может быть выученной, понятой, неживой. А может быть *в нас*.

И в первом случае истина мертва, во втором — она живая. Поэтому забудьте о первых шести скрижалях, первая — это седьмая.

— Ничего не понял, — пробормотал я. — Первая — седьмая? В каком смысле?!

— В том смысле, что первой по очереди идет не первая, а седьмая Скрижаль, — пожал плечами Андрей. — И она о том, что мы должны изменить свое сознание. Только в этом случае найденные вами скрижали будут восприняты так, как они должны быть восприняты. Они оживут, когда изменится наше сознание, когда все три «точки сборки» — общечеловеческая, эзотерическая и научная — объединятся в одном человеке.

Что было бы, например, если бы Данила с самого начала обладал эзотерическим чутьем? Разве бы он отмахнулся от тех знаков, которые были ему посланы? Нет, и он бы оказался у Схимника вовремя. А разве бы Кассандра обманула Анхеля, если бы он умел отличать эзотерическое знание от техники наведения гипнотического транса? Конечно, он не купился бы на молоко, становящееся кофе, и на кофе, превращающийся в молоко!

Так что у каждого из нас чего-то не хватает — кто-то игнорирует эзотерическое видение, кто-то науку, а кто-то не видит ничего кроме науки. И в результате наше сознание становится однобоким. Оно воспринимает только часть истины и поэтому неправильно интерпретирует факты.

Часть — это не целое, и даже сумма частей — не целое. Осколки разбитой кружки, собранные на совок, — это осколки, это не кружка. Кофе в нее не нальешь...

И дальше, как в замедленном кино, Андрей провел рукой по столу, ребром ладони толкнул свою кружку, она прошла до края столешницы и, качнувшись на нем, полетела вниз. Хлопок. Черепки разлетелись по кафельному полу.

Андрей поднял один из черепков, положил его обратно на стол и сказал:

— Вот, что мы имеем... Кто-то во всем видит борьбу темных и светлых сил, тогда как в этой «битве» участвуют простые люди, а у этих людей есть и слабости, и достоинства, которые никак не связаны с потусторонними силами, — Андрей поднял с пола еще один осколок чашки и положил его рядом с первым. — Кто-то рассматривает эти слабости и достоинства только как нравственный «выбор». А кто-то вроде меня, — Андрей поднял с пола третий осколок, — понимает, что часто этот выбор определен темпераментом и физиологическими реакциями.

Я не мог оторваться от этого зрелища. Я смотрел на эти три черепка, оставшиеся от глиняной чашки, словно загнипнотизированный. Только что они были чашкой, а теперь...

— Андрей, но как же?.. — мой голос дрогнул. — Неужели все шесть Скрижалей ничего не значат?

— Вы с Данилой говорили, что «сработают» только все семь Скрижалей, все вместе, — ответил Андрей. — И если помните, я сказал то же самое. Так что они значат, Анхель. Но прежде мы должны изменить свое сознание.

Есть такая буддийская история. Приходит ученик к Учителю и говорит:

«Учитель, я прочитал, изучил и запомнил все сутры. Я узнал все, что должен был узнать о доктрине. Но я никак не могу постичь сути. Я не вижу Истины! Я не чувствую просветления!».

«Ты точно прочел все сутры? Все до одной?..» — не поверил ему Учитель.

«Да, Учитель!» — ответил ученик.

«Ты изучил и запомнил их? Все?!» — Учитель недоверчиво смерил ученика взглядом.

«Да!» — ответил тот.

«И ты хочешь сказать, что узнал абсолютно все о доктрине?!» — Учитель, казалось, был вне себя от гнева.

«Да, Учитель! Да! — сквозь слезы прокричал ученик и пал на колени. — Поверьте мне! Это правда!»

«Хорошо, — спокойно ответил Учитель. — Теперь походи и выбрось все свои сутры. Забудь, что ты когда-либо учил или читал».

«Как?!» — ученик не поверил своим ушам. «Выбрось и забудь. Ты же ищешь просветления...» — улыбнулся Учитель.

Андрей встал, внимательно посмотрел на меня, потом на Данилу и ушел куда-то. Он вернулся с совком и шваброй, собрал остатки кружки и снова вышел.

Данила? — я вопросительно посмотрел на своего друга.

— Ты хочешь знать, что я об этом думаю? — Данила пожал плечами и устался куда-то в сторону. — Я думаю, Анхель, что он прав. Во всем. Это ведь моя проблема.

— *Твоя проблема?* — прошептал я.

Данила расстегнул рубашку и достал висевший у него на шее медальон Гаптена. На медальоне ангел со сброшенными крыльями. Это Данила. Избранный.

— Видишь меня? — спросил он, показывая на медальон.

— Да... — я был в полном недоумении.

— А я не вижу, — сказал Данила. — Умом понимаю, а не чувствую. Сознание блокирует. Понимаешь?! Сознание — будь оно не ладно! И у Андрея то же. А у тебя, Анхель, ветер в голове. Понимаешь? У тебя везде — мистика и знаки. Даже там, где их нет. А у меня их нигде нет. Совсем я запутался... Где-то же должен быть баланс..

— Медальон?.. — Андрей незаметно вернулся и заметил, что Данила держит в руках подарок Гаптена. — Тот самый?!

— Да, — ответил Данила, снял медальон и протянул его Андрею.

— Не может быть, — прошептал тот. — Бодхисатва...

— Бодхисатва? — переспросил я.

— Ну да, — Андрей посмотрел на меня так, словно это было очевидно. — Ангел, отказавшийся от небесного блаженства и вернувшийся в мир, чтобы пробуждать души людей.

— И Анхель считает, что это я! — не без иронии сказал Данила.

— Ну а как же... — растерялся я.

У меня опустились руки. Я готов был расплакаться и провалиться сквозь землю от раздражавшего меня чувства бессилия. Раньше я с трудом справлялся со всеми сомнениями Данилы, а теперь еще и Андрей подливает масла в огонь!

— Андрей, а ты знаешь, как эти мозги поменять? — спросил Данила, показывая на свою голову. — Есть какой-то способ?

— Ну, проверенного нет, — улыбнулся Андрей, намекая на то, что он и сам нуждается в подобном рецепте. — Есть идеи...

— Тогда хотя бы идеи! — подхватил Данила.

Я смотрел на них и не знал, что мне делать. Ощущение какого-то тупика. Скрижали известны. Мы, мне кажется, их понимаем. Но они, как искусственные фрукты, — выглядят аппетитно, и при этом совершенно несъедобны.

Да, Скрижали — это не заклинания, как я думал раньше. Я ошибался. И Андрей прав, когда говорит, что прежде должно что-то произойти с нами, чтобы скрижали «сработали». Но что?!

Какая сила может сдвинуть наше сознание с тех мертвых точек, в которых оно у каждого из нас троих замерло?

— И Тьмы нет... — сказал я вслух.

— Тьмы — нет?! Анхель, с тобой все в порядке? — рассмеялся Данила. — Или у тебя сознание стало меняться?

— Я не в том смысле, — попытался объяснить я. — Я в том смысле, что Андрею Тьма не угрожает. Всем Избранным угрожала. Все были на пороге смерти. А Андрей — вот...

— Да, кстати! — улыбнулся Андрей. — И еще меня никто не убивает. Только — «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему...»

Раздался стук в дверь. Мы вздрогнули и посмотрели друг на друга.

Эпилог

Андрей подошел к входной двери и открыл ее.

— Я попрошу вас следовать за мной, — объявил человек, возглавлявший группу людей в черных костюмах.

— А вы, простите, кто? — спросил Андрей.

— Вы получите все необходимые разъяснения позже, — ответил человек.

— Но, согласитесь, это как-то странно... — Андрей продолжал настаивать на объяснениях. — Вы просите нас следовать за вами и не говорите, кто вы и куда, зачем вы...

Андрей не успел закончить фразы. Люди, до сих пор стоявшие на пороге, ворвались в комнату. Нас

схватили — меня, Данилу, Андрея — и вытолкали на улицу. Там стояло несколько машин-фургонов с затемненными стеклами. В них нас и погрузили.

— Это в ваших же интересах, — услышал я краем уха, когда мне выворачивали руку и выталкивали из квартиры.

Библиотека сайта «Путь к разуму и Силе»

<http://esotericpl.narod.ru/elbibl.htm>